

К 48.1
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ)

1939

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

Из истории сношения России с туркменами в XVIII в.

Торговые пути в Среднюю Азию издавна привлекали к себе внимание царизма, стремившегося обеспечить за Россией господствующее положение в торговых сношениях между западом и востоком. Пути эти шли либо сухопутьем через казахские и ногайские степи, либо по Каспийскому морю от Мангышлака до Астрахани.

Однако безопасному следованию торговых караванов из Средней Азии в Россию мешали кочевавшие в степях народы: «хивинские де и бухарские и балховские и индейские торговые люди з большими товары на Русь на Гурьев городок ездить не смеют, потому что де торговым людям бывает шкура и разорение от калмык и от караганских трухменцов грабеж и до смерти побивают и в полон емлют»¹.

Для упрочения за собой путей на восточные рынки необходимо было занять преобладающее положение на перешейке, лежащем между Черным и Каспийским морями, а также на территории занимаемой киргиз-кайсацкими ордами. Значение киргиз-кайсацких орд на торговых путях России с Средней Азией Петр I оценивал так: «хотя де киргиз-кайсацкая орда степной... народ, токмо де ко всем азиатским странам она орда ключ и врата»².

Царское правительство уделяло особое внимание вопросу обеспечения безопасности продвижения торговых караванов в Среднюю Азию через киргиз-кайсацкие степи. В 1763 г. оно заключило специальный договор с киргиз-казахским ханом, по которому «хан всю безопасность идущих сюда на торг и отсюда возвращающихся азиатских купеческих караванов отныне снимает на себя и ежели, паче чаяния, которому каравану когда либо в орде Киргиз-Кайсацкой приключится как препятствие или вред и убыток, за то за все ответственность обязуется он хан сам»³.

Однако, несмотря на подданство России киргиз-казахов и договоренные отношения их ханов с русским царизмом средне-азиатские торговые караваны нередко подвергались ограблению в киргиз-казахских степях. Поэтому выдвинулась явная необходимость изыскать иные более безопасные торговые пути для русско-средне-азиатской торговли. Более безопасный и близкий путь для средне-азиатской торговли мог лежать Каспийским морем через Мангышлак и далее по восточному побережью Каспийского моря, занимавшемуся туркменскими племенами.

Торговые сношения между Россией и туркменами возникли очень давно. Известно, что астраханские купцы вели торговлю с береговыми туркменами еще в XVII в. Главным торговым пунктом при этом был Тюб-Караганский мыс на Мангышлакском полуострове. Здесь находилась небольшая пристань, куда астраханцы возили морем свои товары.

Еще большее значение сношения с туркменами приобрели в XVIII в. при Петре I, положившем не мало забот об «отворении свободного с товарами пути в Бухары, Бодокшан, в Болх и Индию»⁴.

¹ МИД, Хив. посольск. кн. № 3, «Статейный список русского посланника Василия Даудова».

² «Аму и Узбой», Самара, 1879 г.

³ ГАФКЭ, Гос. Архив, разр. XVI, дело 5.

⁴ Соловьев, т. IV.

Понимая исключительное значение для своего времени водных путей, Петр I обратил особое внимание на их использование и для сношений с востоком. Он даже намеревался использовать с этой целью не только Каспийское море, но и р. Аму-Дарью, повернув ее течение от Аральского моря в прежнее русло.

29 мая 1714 г. Петр дал указ о снаряжении экспедиции в Хиву, а в 1715 году князь Бекович-Черкасский был отправлен на Каспийское море, чтоб осмотрев восточный берег и решить: «справда ли, то, что река Аму-Дарья, произведя свое течение из Бухарии, впадала в то море...»

Бекович узнал, что в туркменской степи есть суходол Куня-Дарья (старая река), который тянется от реки Аму до Каспия. По обеим сторонам суходола видны каналы копанные, старинные жилища, пустые городки «и знатно де в том долу напред сего вода бывала».

В 1716 году, выслушав в Либаве личное донесение Бековича: «что той реки устье знаки в заливе Красновоцком имеются...», Петр вторично послал Бековича с шеститысячным отрядом в Хиву, дав ему наказ построить «над гаваном, где бывало устье реки Аму Дарьи», крепость человек на 1000. Затем ехать в Хиву послом и, осмотрев течение реки и нахождение плотин, если будет возможно, вернуть течение Аму-Дарьи в старое русло, заперев прочие устья, которые идут в Аральское море.

Во вторую свою поездку на Каспийское море Бекович заложил крепости у Тюк-Карагана, у южного конца Красноводского залива и у залива, названного по имени Бековича Александер-бай. В 1717 году Бекович во время похода в Хиву погиб со всем отрядом, а крепости, заложенные им, были разрушены туркменами.

Однако гибель экспедиции Бековича не остановила Петра. В 1722 году Петр, с целью обеспечения русской торговли на берегах Каспийского моря, предпринял поход в Персию. Современник Петра Соймонов, обследовавший восточный берег Каспийского моря и бывший с Петром в Персидском походе, в своем журнале «Описания восточного берега Каспийского моря»¹ пишет, что Петр, укрепляя свои позиции на берегах Каспийского моря, учитывал, что «от Астрабада до Балха и Бодакшана только 12 дней ходу, а там во всей Бухарии, середина всех восточных комерций и тому пути никто помешать не может».

После смерти Петра экспедиции для обследования Каспийского моря продолжали посылаться. Так в 1741 г. к восточному берегу Каспийского моря ездил капитан Тебелев, который был отправлен как бы с торговой целью на судне купца Лошкарева, в 1745 г. ездил капитан Копытовский, в 1764 г. Лодыженский и ряд других оставивших интересные записи о берегах Каспийского моря.

Ниже мы публикуем с некоторыми сокращениями излишних повторений и мелких подробностей путевые журналы капитанов Тебелева и Копытовского, а также переписку Коллегии иностранных дел уже во времена Екатерины II о желательности упрочения торговли через Мангышлак путем устройства там русской крепости, и о методах, которые применил царизм для укрепления своего влияния на туркестанские племена².

Публикуемые материалы, дополняя сведения о туркменах, какие уже известны в науке³, освещают до некоторой степени социальные отношения туркменских племен Закаспия.

Постоянно подвергаясь разорениям со стороны персидских войск, во время нападения Персии на Балх, Бадакшан и Бухару эти племена искали спасения в перемене мест своих кочевий. Так, например, в 1741 г. подданный России калмыцкий хан Дондук Омбо доносил в Коллегию иностранных дел, что вследствие

¹ «Описание Каспийского моря от устья р. Волги, от притока Ярковского, до устья р. Астрабацкой» издана Соймоновым в 1731 г. 2-е издание вышло в 1783 г.

² Документов, освещающих сношения Туркмении с царской Россией до XIX в. сохранилось чрезвычайно мало. В ГАФКЭ хранится всего 12 дел, освещающих взаимоотношения Туркмении с Россией в XVIII в., из которых и извлечены публикуемые документы.

³ См. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», изд. Ак. Наук СССР.

наступления персидского шаха Надира на Хиву и Бухару ряд туркменских племен пришел на старые их кочевья Мангишлака¹. В силу этих обстоятельств, а также испытывая острую нужду в хлебе, эти племена были заинтересованы в налаживании постоянных сношений с Россией, а феодально-родовая верхушка этих племен была даже не прочь вступить в русское подданство, рассчитывая этим путем укрепить свое господствующее положение.

Однако неоднократные просьбы туркмен о принятии их в подданство России не мешали им делать набеги на русские торговые караваны, причем они, не довольствуясь одними товарами, забирали в плен людей, которых потом продавали на рынках Хивы, Бухары и Коканда. Несмотря на то, что туркменские старшины указывали в своих прошениях на желательность построения крепости на Мангишлаке, на самом деле они не проявляли особого желания видеть у себя русские войска, не указывали на берегах Каспийского моря удобные места для построения крепости, даже более, мешали обследованию берега, которое производилось посылаемыми экспедициями из России. Лодыженскому, который объявил, что он ищет места для построения «удобной гавани», туркмены заявили, что они не допустят построения крепости и, мешая производимому обследованию, «стреляли в экспедицию из ружей».

В свою очередь русское правительство оттягивало вопрос о принятии туркмен в подданство, считая, что из этого для России никакой пользы не будет, так как туркмены по мнению царского правительства желали «вступить в подданство, ласкаясь быть впредь безопасными от учреждаемой у них крепости, то коль скоро только опасность миновалась бы, конечно в том раскаялись бы и при крепости не остались, но разошлись бы врзнь». Поэтому оно решило «прибрать их к рукам без принятия их в подданство».

Для заслуживания «милости» царизма, было предложено им: «С купечеством Астраханским, которое к ним для их же собственной пользы будет в Мангишлак приезжать, поступать ласково и никогда нахальство, обид и непристойностей не чинить. А которые из тех же Астраханских купцов пожелают от Мангишлака с товарами своими ехать в Хиву и в Бухарию оных не токмо свободно пропускать, но и всякое вспоможение чинить». Кроме того туркменам также было предложено всех русских пленных каким бы не было путем попавших к туркменам вернуть в Россию, а во всех несчастных случаях на туркменских берегах оказывать русским людям помощь, и только после проявления действительных доказательств в исполнении предложенных условий туркменами, русский царизм обещал принять их в подданство.

Вместе с тем царизм пытался использовать для подчинения туркмен своему влиянию подвластных ему киргиз-кайсацких ханов. В Мангишлак был послан в качестве туркменского хана «для лучшего над оным народом смотрения» сын киргиз-кайсацкого хана — Пирали. Но окончательно «прибрать к рукам» свободолюбивый туркменский народ русскому царизму удалось только во второй половине XIX в., когда в результате отличавшихся исключительной жестокостью военных экспедиций царских «белых генералов» туркменский народ был окончательно покорен и подвергся жесточайшему колониальному гнету, от которого его освободила лишь Великая Октябрьская социалистическая революция.

В. Разумовская.

Из журнала капитана Г. Тебелева, 1741 г.²

Месяца июня. 12.— По полуночи в 9 часу прибыли к Мангишлакской пристани и легли на якорь расстоянием от берегу с версту, при которой как на берегу, так и на горах жилищ никаких не обрели. Только пополудни в 7 часу приехали на лошedah к берегу турхменцы

¹ ГАФКЭ, МИД, Туркменские дела, д. № 3.

² ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, д. № 4 1741 г.

пять человек и просили лотки, из которых перевезли на судно четырех человек. Оные о себе объявили, что они мергени, то есть охотники, ездят для битья зверей и у троих были ружья, которые оставили на берегу, а сидят де они в горах от пристани езды один день в пятнадцати кибитках, а о прибытии де судна народ их еще не знает, понеже де сидят в разных местах по горам, а другие живут на островах весьма не в близости, так что езды от берегу по одному и по два и по пяти дней, и оные де трухменцы все старые называемые по месту мангишловцы. А есть де и новые, но малое число, ибо пришедшие от Хивы многие возвратились назад для того, что там им от персичкой стороны обид никаких не чинитца, и несколько из трухменцов, а более за скудостью пошли в службу персичкую, которым по указу шаха персичкого выдается жалованье рублей по дватцети и более, и, кроме того, об оных трухменцах известия никакого получить не могли, что они сами объявили; не только о пришедших трухменцах, сколько их было, но и о своих, кто где сидит, не знают, только о прибытии судна обещали дать знать другим улусам, и улус де от улуса известятца, которым, яко первым возшедшим на судно, по прежнему обыкновению купца Лошкарева¹ от прикащика ево дано десеть блюд.

Того ж числа пополудни во 2 часу отправлен был толмач Монастырской с трухменцом Менгилием (который прислан был в Астрахань от их трухменских старшин) в лотке до острова, где кочуют старшины Кинжал-Бахша и Канбарбек, который остров лежит от пристани расстоянием в дву милях: точию их на дороге захватил противной ветер, за которым до того острова доехать не могли и возвратились назад...

14 июня.—Пополудни в 9 часу толмач Монастырской и с ним трухменские старшины Кинжал-Бахши и Канбарбек с сыном своим и с трухменцами приехали к берегу, где за поздним временем те старшины с своими трухменцами остались на берегу, а толмач с трухменцом Менгилием приехали на судно.

Объявленной толмач Монастырской, что было ему показано, на то объявил следующее, а именно.

Было ему приказано: по прибытии к старшинам объявить, что, по их прошению, от астраханского губернатора его сиятельства князь Михайла Михайловича Голицына для удовольствия их на продажу с хлебными припасами прислан нарочной и имеет от его сиятельства посланное к ним письмо и чтоб для приему того письма и о возстановлении к покупке хлебных припасов и прочего цены знатные их трухменские старшины приехали б на судно, как и прежде бывало без всякой опасности.

Толмач Монастырской объявил: по прибытии ево в 14 числе по утру к показанному острову виделся он прежде с старшиною Кинжал-Бахшею, а потом ездил с ним и к другому старшине Канбарбеку, которым он, что ему было приказано, объявлял, и потом собиравлось трухменцев человек з дватцеть, причем от них старшин посыланной трухменец Менгели объявил, что ему от его сиятельства пожалован кафтан и отпущен со удовольствием, и те старшины тот кафтан за ево труды отдали ему. И собрався, они трухменцы в тот же день поехали с ним толмачом Монастырским на судно.

[Монастырский показал:] о намерении и удовольствии их не точию из их разговоров, но и по всему видно есть, что они всегда желают, дабы к ним хлеб привозили, как и прежде бывало.

¹ Лошкарев — астраханский купец, имевший свое судно, на котором отправлял из Астрахани товары для продажи на Мангишлаке.

О множестве их народа, что их есть всех, точно признать не можно, понеже на том острове сидит малое число, но и при старших имеется кибиток у Кинжал-Бахши — четыре, у Канбарбека — три, а кроме того, в разных местах кибитки по две и по три и числом всех признать за великостию острова нельзя, к тому ж оные трухменцы сидят не на одном том острове, но и по другим островам в дальних местах и в горах, а оружие у них, как и прежде бывало, сабли и ружье фитильное, а о точном их пребывании, где они жить желают, познать никак невозможно.

[Было ему приказано:] не имелось ли у них, или ныне не имеется ль, калмыцких посланцов или каких собою приезжих калмык; ежели есть или были калмыцкие посланцы, кто оные и от кого посланы и с каким делом и какие от трухменцов ответы и намерения были или будут?

[Монастырский показал:] о калмыках, что у них прежде бывали ль и ныне имеются ль, о том он доподлинно известиться не мог, однако ж между прочими разговорами некоторых посторонним образом спрашивал о калмыках, как они с ними против прежнего находятся и для торгу они трухменцы к ним или калмыки до них ездят ли? Но в том он получил от них ответ, что они калмык у себя уже давно не видавали и спрашивали его толмача, где они ныне и на котором кряжу сидят? Противу того он толмач сказал: калмыки сидят в тех же местах, где и прежде пребывание свое имели, а более он толмач, будучи тамо, обстоятельного известия получить не мог, понеже уведомить вскоре было не чрез кого.

И в тот же день поехали с ним старшины Канбарбек и Кинжал-Бахши и при них вышеобъявленные трухменцы.

Месяца и юн я. — Пополудни в 6 часу старшины и при них обретающиеся трухменцы прибыли на судно, и, как оные сели, тогда я им по силе данной инструкции пристойным образом, что надлежит, представил и от них на то в ответ получил следующее. А именно.

Было представлено: 1. Посланной ваш трухменец Менгели, по прибытии в Астрахань, г. губернатору его сиятельству князь Михайлу Михайловичу Голицыну объявил, что послан он от вас старшин при другом трухменце Адны Дурды абызе, у которого имелось от вас письмо, но оной Адны Дурды абыз, будучи в пути, от него Менгелия отлучился, а что в том письме было писано, того он не знает, токмо по словесному от вас приказу доносил, что вы старшины с трухменским народом перешли для житья в сие урочище Мангишлак и просите, дабы с русскими по прежнему возобновить торг и для договору в торгу послать к вам нарочного з довольным числом хлеба и прочего. Токмо посланного вашего трухменца Адны Дурды абыза с письмом чрез несколько времени ожидали, дабы на то ваше письмо удовольствовав, с потребным ответом их к вам возратить, только тот трухменец не явился, и чтоб время не упустить, уверяясь ево Менгелия словесное от вас прошение, на удовольствие вашего народа на продажу несколько хлебных припасов и прочего отправлено со мною, и вы имеете приказать дать торг, как и прежде обыкновенно бывало. А как оной запас и прочее продается, прикажите к его сиятельству со мною отправить известие, с каким письмом от вас трухменец Адны Дурды абыз был послан и, что впредь вам потребно будет присылать, о том обстоятельно опишите, в чем его сиятельство к вящей вашей пользе возможные способы употребить изволит, а ваш показанной трухменец Менгели отпущен из Астрахани со удовольствием.

И на оное в ответ получено.

В Астрахань мы посылали с письмом просить, чтоб к нам прислано было хлеба, и что его сиятельство ныне прислал к нам нарочного и на

продажу хлеба, за то благодарствуем, только другой от нас посланной куды девался, того де подлинно не знаем, но разве де не заехал ли он в калмыцкие улусы за своею нуждою и там зачем не замедлился ль. А писали де мы в Астрахань о присылке хлебных припасов, хотя судна два или три, понеже приехавших от Хивы при Мангишлове имелось немалое число, и желаем, чтоб и впредь к нам на продажу хлеб привозили, как и прежде бывало. А из Хивы трухменцы к нам в Мангишлов приезжали, когда персической шах с своими войсками приходил под Хиву¹; тогда они, не хотя быть под ево владением, оттуды отошли и пришли в наши места прошедшею осенью и за недостатком в здешних местах воды и корму, сидеть не захотели, понеже у них было скота много; а как настала весна, и трава появилась, тогда пошли возвратно, а где ныне находятся, о том подлинно не знают, а в наших² местах осталось малое число, которые сидят между нашими кибитками, а сколько их всех числом, знать невозможно, понеже трухменцы наши сидят по разным местам, а мы де на здешнем месте, имянуемом Мангишлове, живем издавна, назад тому з двести десеть лет, и от самой Енбы кочевьем распростираемся до Тюк-Карагана, переходя с место на место, где кому будет угодно, а прочие, якоже бы старшины Бахши и Канбарбек и другие, сидят на островах для опасности от касак, которые часто, приходя партиями, нападают, как и нынешнею весною случилось, чего ради от трухменцов послано было три партии, которые у кайсак несколько лошадей и ясыря³ отогнали. Токмо от кайсак была высылка, которая на трухменцов напала, и у остальной партии отогнанных и их трухменских лошадей и ясыря малое число взяли. А ныне недавно они касак присылали к нам дву человек просить миру о размене ясыря; то де мы во уверение, что того желаем, отдали им ясырей дву человек и приказали, дабы они к нам прислали хороших стариков дву человек, с которыми б могли учинить договор; а как мы были прежде подвласны калмыцкому хану, тогда, с калмыками сообщась, ходили на касак и их разоряли, хотя в то время касак к нам подъезжали, токмо мы с калмыками от них отпор и достойное отмщение чинили, а ныне нас в здешних местах против прежнего находится малое число и для того имеем от них, касак, опасение.

По окончании оной речи, просили они трухменцы, чтобы им дать торг, тогда я им посланное письмо вручил и представил, чтоб они то письмо, как пристойнее при ком надлежит, прочли и на оное учинили достойной ответ.

Как я усмотрил, что более того разговоров от них не будет, но паче требовали, чтоб в продаже муки договор учинить, а по состоянию их к разговору впредь привести будет не можно и некогда, того ради представил им следующее.

Когда вы бывали напредь сего подвласны калмыцкому хану и от того имея себе пользу, что, сообщась с калмыками, жилищцы свои от нападения кайсакского охраняли и желаете, дабы по прежнему к вам запас хлебной и прочее для ваших нужд на продажу привозили весьма изрядно, и ежели желаете быть под высокою его и. величества⁴ всемилостивейшею державою, то, будучи в протекции его и. величества, весьма милостию его и. величества и во всем удовольствии пользоваться можете, того ради мой дружеский совет вам представляю: не лутче ль для такой своей пользы и в чем ваша состоит нужда отправить в Астрахань от себя нарочных кого из старшин человека два или

¹ См. стр. 238.

² Т. е. на Мангишлаке.

³ Пленных.

⁴ Царя Иоанна Антоновича.

три, которые б могли его сиятельству о всем обстоятельно донести и переговорить персонально, что его сиятельство к пользе вашей изволит надлежащим образом доброй способ учинить.

[Старшины отвечали:] мы де, как прежде, так и ныне, всегда стоим под державою его и. величества, как де вы, так и мы, почитаем одного государя российского и оной совет твой очень приемлем за благо, чего ради от себя отправить с прошением нарочного человека доброго готовы; и старшина Канбарбек показал на своего сына, имянуемого Бек Амурата, которой не з большим в тридцать лет. Мы де отправим ево с прошением, дабы всегда мы находились под высокою его и. величества державою, и впредь бы к нам запас на продажу присылали.

На оное я им еще подтвердил: весьма хорошо, что вы, Канбарбек, хотите сына своего отправить, а еще б не хуже, чтоб с ним из вас старших кто поехал, дабы мог о всех обстоятельствах донести, и ежели ис тех посланных пожелали ехать и к высокому двору его и. величества для всеподданнейшего своего прошения, то его сиятельство изволит со удовольствием отправить при своем доношении, причем всякие способы к лутчей вашей пользе подать изволит, и чрез то ево ходатайство можете получить скорее его и. величества всемилостивейшую милость, нежели иногда похощете чрез калмык просить и домогаться.

[Старшины отвечали:] Сей де ваш совет нам весьма есть на пользу, однако ж де мы между собою о том посоветуем, понеже де еще горские аксакалы или старшины из жилищ своих не бывали, и ведаем де, что у его и. величества милости просить самим лутче, нежели чрез калмык, да и от калмык де давно никого у себя не видали и никакого они нам способа не делают, тако ж и мы им, с того времени, как Аюки хана не стало, и ездить к ним опасаемся от кайсак.

Потом стали просить, чтоб им дать торг, объявляя, что де мы старшины всегда прежде цену накладывали, по которой и продажа чинилась, и стали торговаться с прикащиком и положили променивать на товар, а сколько за каждой мешек и какого товару, тому при сем реестр, и, по окончании торгу, стали товары свои на мену променивать.

17 [июня].— Пополудни часу в 3 приехали к берегу горские тухменцы и просили от судна лотку, которая отпущена была с покупным запасом. И как на берег пристали, тогда те горские тухменцы с съехавшими с судна учинили драку и лотку задержали, потом на той лотке приехало их человек пятнадцать и как взшли на судно, стали спрашивать: мы де слышали, что из Астрахани прислан нарочной. Тогда я им объявил, что для прошения их прислано со мною на продажу несколько хлебных припасов, понеже от ваших старших и от всего народа был прислан в Астрахань с прошением нарочной и еще стал было им представлять, но оные, не выслушав, стали кричать: кто де посылал, мы не знаем, а когда к нам хлеб привезли, то де нам надобно и цену установить, а не Канбару и Кинжалу, мы де и сами аксакалы. И между собою учинили ссору и драку и старшину Кинжал-Бахшу некоторые стали бить и говорили: ты де не аксакал, но пастух и где де ты живешь, мы не знаем, а мы де здесь живем издавна и пристань наша. Тако ж ссорились и с Канбаром, токмо его бить не дерзнули. И тогда приказал было я до драки их не допускать, то они тухменцы кричали: вам де до того дела нет, что мы ссоримся меж собою, а не с вашими русскими; тако ж того судна лоцман и посовщик объявили мне: у них де между собою при торгу в договоре цены всегда такие ссоры и драки происходят, а наши де русские в тое ссору не вступаютца, и едва я их уговорить мог, и некоторые по-

слушали и стали других унимать и сказали: нет де ничего, у нас так водитца.

Июнь 18.—Пополудни в 5 часу приехал з берегу трухменец Бунчукова роду Мамет Берды и с ним пять человек, которой объявил: здешнего де места старшины и протчие трухменцы приехали к берегу и послали меня на судно проведать, понеже известно есть, что из Астрахани прислан нарочной с письмом, которому я по содержанию письма в кратких словах объявил, а о присланном со мною письме сказал, что [его] взял старшина Канбарбек. На оное спросил меня, к одному ли ему или ко всем то письмо писано. Объявил я ему: письмо писано к старшинам и ко всему трухменскому народу, а он Канбарбек прибыл на судно с некоторыми старшинами и трухменцами и, взяв письмо, сказал: когда все зберутца старшины, тогда де мы его прочтем и ответ дадим. На оное тот трухменец сказал: мы де Канбарбека не знаем, он живет на островах, а мы на здешних местах, но как де пристань наша и хотя де он с вами о товаре в цене договорился, не дождався нас, но мы де цену поставим по своему, как и прежде бывало, к тому ж де надлежит против прежнего взять пошлину. Напротиву оного тому сказал, кто у вас из старших главнее, того мы не знаем, а со мною присланы хлебные припасы на продажу для вашей пользы по вашей же прозбе, о чем можете усмотреть ис письма, к вам присланного, потом вы со мною можете, что надлежит, переговорить. На оное тот присланной Мамет Берды сказал: очень де изрядно мы де завтра будем на судно, и, окончив оное, поехал на берег. После того Канбарбек послал на берег же сына своего, который, тамо будучи часа з два, приехал на судно и объявил, что на нас де весьма все осерчали, для чего мы товаром цену прежде их поставили и требуют письма, тако ж что б и отец мой туды ж приехал. Тогда Канбарбек сказал: я де с своими людьми менял на хлеб свой товар, а не их, до чего де им и дела нет, я де сам к ним поеду и осведомлюсь, что они советуют и, приехав на судно, объявлю, и с сыном своим поехал на берег, а возвратно не бывал.

Месяц июнь 19.—По утру приехали на судно старшины Мамет Келды батырь, Ходжа Берды Бахши, Сунгуран Онбеги, Карабатырь, Бачабек и с ним трухменцов с тридцать человек и, как оные на судне сели, тогда спросили меня: х кому я приехал и письмо привез; на оное я им о всем обстоятельно по содержанию письма учинил представление, как и прежним старшинам, и все то они выслушав, сказали: посла де Менгелия, что он в Астрахани о здешних старшинах не знал донести, надлежит де наказать, которому, тако ж и Канбарбеку, что он уставил без нас цену уступаем де для вас, элчи, то есть посла. Токмо де мы хлебному запасу цену положим, как прежняя бывала. И стали между собою разговаривать, а у прикащика просить есть. И между тем вступил я с ними в разговор о кайсаках, как они на них трухменцов нападают и разоряют и какие они трухменцы от тех кайсак чинят отпоры. На оное сказали: касак де к нам по всякой год подбегает и скот отгоняют, иногда и людей наших полонят, понеже де наши трухменцы сидят в разных местах; точию де всегда имеют на Ираклинских горах к Мертвому Култуку караул, и, егда к нашим местам кайсаки собранием приближаться будут, тогда те караульные о том возвестят, и от того кайсацкого нападения трухменцы збираются на высокую гору, которая имеется вглубь здешнего места, и кто сколько может, берут с собою скот, на которой горе кайсаки достать их не могут, токмо остальной скот отгоняют, за которыми, собравшись, трухменцы ездят вслед и скота несколько отбирают и со обеих сторон людей в полон берут, а теперь де у нас на показанном месте караулу нет:

понеже, как слышали о привозе хлеба, все суды к пристани собрались и для того покупою торопятца...

Стали просить торгу и договаривались с прикащиком и более прежней цены, по чему в прошедших годах поставлена была, не давали, хотя при том прикащик объявлял, что прежние мешки с мукою были меньшей руки, а ныне привезены все большой руки, чего ради и цену положить надлежит больше, и все на него прикащика кричали и ево бранили за то, для чего прежде договорился с Канбарбеком, а другие хотели и бить, только от них же трухменцов не допущены и отбиты. И великой стал быть между ими крик: одни говорят, что насильно товар не отнять, а другие кричат, что мы больше прежнего не дадим и уступать не будем, и стали мне говорить старшины, чтоб прикащик взял цену против прежнего, а буде не уступит, то де мы, хотя и по той цене, как ему надобно, брать станем, но отдай же он нам против прежнего за пристань и за товары пошлины и что дается в почесть аксакалам и деллялом (деллял есть от старших поверенной и при торгу бывает безотлучно и он смотрит, чтоб от трухменской стороны в промене товаров не обижали и в том прикащика охраняет и смотрит же, чтоб ряд был доброй товар, в чем противу их трухменцы мало спорят). И на оное я их спросил, почему они прежде за пристань и за товары пошлину брали и на аксакалов и деллялов давалось. Тогда они показывали на толмача и на татарина Мусу (которой ездит от купца Лошкарева за толмача) что они знают, почему за что давалось. Но они в том знании отперлись и не можно было от их крику с старшинами иметь обстоятельного разговору, понеже все трухменцы и подлые на самих старшин крычат, а они старшины унять их не могут и весьма противитца не смеют. И потом старшины и прочие трухменцы объявили, ежели вам продавать хлеб, то продавайте против прежней цены, а буде по той цене продавать не будите, то б от пристани отъехали. И видя, что оные трухменцы стали цену класть по своей воли и на судне их умножилось, дабы их с судна зжить, сказано им было, чтоб они с судна съехали на берег, а мы счислимся ценою, ежели можно и дального убытку не будет, то с ними как возможно в цене договоримся. На то старшины подтвердили: мы де более против прежнего не дадим, а другие кричали, что де вы нас с судна зживаете, либо де вы нас сживете или бы мы вас, и оное я старшинам объявлял, что по всему видно хотят товар брать грабежем, только я до того не допущу, из чего учинитца может драка, лутче зделатца безсорно, а мы приехали не для драки, а привезли хлеб на продажу для вашей и вашего народа пользы. На оное те старшины ответствовали, что де нам с своим народом делать, мы де их унять никак не можем, понеже ни хана, ни салтана над собою не имеют, и все люди вольные...

Напоследок прикащик с ними в цене уговорился против прежнего, а почему при сем реэстр. Только при том выговорено, чтоб ныне против прежнего пошлин не брать, а в почесть старшинам и деллялом по усмотрению дастся. И тотчас, только как договор положили, стали променивать товары, и стали возить муку на берег, а з берегу переезжали на судно на той же лотке трухменцы и впервые переехало человек дватцать, а в другой ряд одиннатцать, которых не хотели на судно пустить, но старшины и другие трухменцы представляли, что оные приезжают добрые люди, ис пород их знатные и теперь де идет торг, но удержают их никак было невозможно, только мы всегда были во всякой осторожности и многие оставились начевать на судне не для чего иного, но только для того, дабы их кормили и пресною водою поили, как и в прошедших годах бывало, и того судна лоцман объявил, что во всякой год для одного на судне трухменцов по пятидесят и по штидесят человек бывало...

Месяца июня 22.—Путру приехали Бурунчуковой да Икдырцовою пород трухменцы и с ымеющимися на судне Обдальцами учинили драку и некоторые нам кричали, для чего мы одним хлебом продаем, а другим продавать не хотим. На то им сказано: кому надлежит купить, сами между собою знаете, а мы по вашей прозбе привезли на продажу хлеб, и, кто хочет, тот и купит. И многие приступали к приказу, чтоб им продавал, а в то время приказик достальную проданную муку отпускал. И как их к загородке караульные солдаты допускать не стали, то один трухменец на солдата замахнулся плетью, которого я велел отбить и об оном старшине Мамет Келды батырю представил и сказал, ежели их трухменцы так нагло будут поступать, то я велю, противу того, своим русским давать отпор доброй и, как вы сами видите, что наши русские ничем их не трогают, а куды ходить не велено, не допускают, туды для чего ваши трухменцы усиливаются? И оной старшина того трухменца, которой на салдата замахивался, зашиб плетью раза с три, понеже ево породы и как было видно, что то учинил только для одного своего стыда, понеже после того сказал, мы де и сами в них не вольны.

Месяца июня 23.—Сказывал астраханской юртовской татарин Муса (которой от купца Лоикарева посылается вместо толмача), слышал де он от трухменца старшины Мамет Келды батыря, от брата ево Акбазара, что на пришедших трухменцов к Мангишлову ис Хивы отошли весною возвратно, а именно дву родов. Этеки и Еммуды и сели подле островов Балханских, а из оных при Мангишлове ж осталось пятьдесят кибиток, и сидят около Карабугазу, да другога роду Риджеджи при Мангишлове осталось тридцать кибиток и сидят на месте Акбузах к яйцкой стороне, а сколько числом кибиток от Мангишлова отошло, того де он, трухменец, не знает, а к Хиве отошли скудные, а у кого есть довольно скота, те остались близ Балхану. Да он же татарин Муса слышел, что поставленного от персичкого шаха в Хиве хана Аральцы, собравшись с хивинцами, которые при взятъе Хивы ушли к ним, с ханства ссадили, а на место ево поставили ханом касаккого хана Булхаира сына ево, и что де над тем поставленным с персичкой стороны ханом зделается, о том знать еще не можно¹...

Месяца июня 25. Приехал на судно старшина Канбарбек и между разговорами объявил: в Астрахань де письмо и трухменца посылал он от себя, по совету с Кинжал Бахшею и с своими трухменцами, а другие не знали, понеже у нас, как сами видите, народ вольной и между собою несогласной, а тогда ис Хивы пришло трухменцов немалое число, и желали хлеба, того ради он, яко издавна здесь старшей, посылал просить о привозе сюды хлеба, и того для в цене и договор он учинил, за что на него и на протчих с ним будущих при договоре народ их трухменской осерчал, при том же объявил, что он здесь сидит издавна, и в давные лета при оной пристани трухменцов сидело множественное число, но когда их раззоряли касаци и немалое число кибиток полонили, тогда и он к ним попался в полон, токмо ис полону ушел в Хиву и, будучи тамо, хивинский хан определил ему место сидеть с трухменцами, только он тамо жить не похотел и пришел в Мангишлов с семью кибитками; потом к нему стали збиратьца по десяти и по сороку и по пятидесят кибиток и собралось было всех с триста кибиток, из которого числа некоторые разошлись к Хиве, а иные взятые касакками в полон, а ныне де Мангишловцов с небольшим двести кибиток, да ис пришедших ис Хивы осталось малое число, и сидят между нашими кибитками, только де здесь наш народ весьма

¹ В 1740 г. персидский шах Надир напал на Хиву, разорив г. Ханки, Надир взял в плен укрывшегося там хан Илбирса. Хивинцы выбрали себе ханом Абул-Хаир хана киргис-кайсацкого.

своевольной, ни на кого не смотрят и не слушают, понеже главного над собою не имеют, чего ради я б де сам поехал в Астрахань с прошением, чтоб нам быть по прежнему под властью у калмыцкого хана и повелено б при здешней пристани сделать ватагу, то есть крепосцу, в которук б с прибывших судов запас и товары выгружать и продавать, и, хотя б де за покупкою что осталось, то б мочные люди все могли купить, и по времени в той ватаге продавать, понеже от касак хлеб в той ватаге содержан будет безопасно. А по прибытии в Астрахань, побывал бы де я и в калмыцких улусех, только б де мне не было какова худова приключения.— На оное я ево спросил, какую ты страсть и от кого быть чаешь? На то он Канбарбек отвечивал, всяко де бывает; напротиву того я ему говорил: напрасно ты так затеваешь мыслить, а ежели какая в дороге или где инде нечаянная на человека придет болезнь или от того приключится и смерть, в том состоит воля божия; а чтобы от нас тебе какое могло произойти худо, того сделаться не может, можно де вам разсудить из всего, что вам всякая и напредь сего от Российской стороны показывана была милость, и никогда вас, здесь живущих в таких пустых местах, не оставляли, и всегда приваживали хлеб и прочее вам на продажу, в чем вы завсегда приобретали себе пользу, а когда вы от Мангишлова разошлись, тогда и привоз хлеба и товаром пресекался, а ныне и паче того милостиво с вами поступлено, не только дождався от вас просительного письма, но поверя и словесному прошению, чрез вашего посланного, по желанию вашему привезли на продажу хлебных припасов, за что вам достойно благодарить и низайше просить, чтоб впредь то ж было употреблено в пользу вашу, что и всегда в добром довольствии находится будите. И сие он Канбарбек, выслушав, объявил, что он в Астрахань конечно поедет, понеже и прежде бывал...

Месяца июня 26.—...По полудни во 2 часу приехал на судно бывшего тухменского салтана Сидомета сын Ходжа Нияз, который еще двадцати трех лет, и при нем из старшин тот Пердей Карды Пердеев сын, которого отец был при помянутом салтане первым человеком, и объявили о себе, что они сидят при Карагане только во 100 киби́тках, а прочие их роду, именуемые Солдырцы, сидят к Балхану в 200 киби́тках; а они, услышав, что из Астрахани привезли на продажу хлеб, приехали к пристани в двадцати человеках, только де их здешние тухменцы у покупке не допустили и их ненавидят, того де ради мы от Мангишлова сидим далече и ежели де по указу всемилостивейшего государя его и. величества повелено будет принять нас в свое милостивое защипение, то б де мы из Балхану привели своих людей. И притом помянутой старшина сказал: я б де с низайшею моею прозбою поехал сам в Астрахань. На оное я им представлял всякими удобозможными способы, что ежели они желают быть во всемилостивейшей его и. величества протекции и сей способ сыскать похотят, то советую лутче им в том с своею просьбою предупредить и для того б ныне в Астрахань поехали со мною. А его сиятельство чрез свои об них старания в том их не оставит и чрез его сиятельство могут получить скоряя всемилостивейшую его и. величества милость, и в Астрахани будут во всем удовлетворены; на что от упоминаемого старшины в ответ получил: ныне де мне или салтанскому сыну ехать никим образом невозможно, понеже де мы с своими улусами разбились, а сюды приехали в малолудстве, ежели ж ево салтанского сына послать одного, еще он человек молодой, не может достойно произвести прозбы, а буде мне ехать, то опасно, чтоб на разню сидящих наших тухменцов другие здешние нападения и разорения какова не учинили; а мы де теперь до вас пришли спросить и от вас принять совет, но как от вас слышим все доброе, то конечно к весне всеми улусами зберемся и с прозбою поеду

я или хотя и другога пошлем доброго человека,— и указал на сына салтанского — и ево де отпустим, которой тогда и сам сказал, что он того пути не оставит и конечно поедет, только де как к пристани судно приедет, тогда могли б они известиться, чего будут предостерегать...

М-ц июнь 27... В 5-м часу приехали на судно старшины Мамет Келды Батырь, Кара Батырь и Ханса Берды Бахша и Канбарбек... Просили бумаги и чернил, что им и дано, и с общего совета тогда ж написали от себя письмо, которое отдали мне, причем я им говорил: оное письмо написали вы против ли присланного к вам от его сиятельства письма? В ответ на то сказали: мы де обо всем писали и чтоб к нам впредь хлеб присылали.

Вечеру старшина Канбарбек объявил, что он конечно собрался ехать в Астрахань, только де я с собою за дальностию моего улусу ничего не взял. На оное я ему сказал, хотя у тебя ничего нет, но в дороге от нас ни в чем оставлен не будешь, и по прибытии в Астрахань, во всяком удовольствии будешь находиться.

Месяца июня 28.— Как трухменского народа старшины стали с судна збиратца, тогда им что положено в почесть от прикащика все отдано...

[Старшины говорили:] — мы де писали, чтоб прислать хлебных запасов судна два или три, понеже здесь имелось трухменцов довольно число, вышедших из Хивы, которые весною возвратились назад, а некоторые здесь при Мангишлове остались, и ныне де мы подлинное имеем известие, что ушедшие при приступе к Хиве персического шаха Тамас хана хивинские жители к аральцам, сообщаясь с теми аральцами и касакими, выбрали в Хиву ханом касакского хана Абулхайра сына ево и прибыли к Хиве назад тому два месяца, а поставленной от персического шаха хан ушел от них на Акших с несколькими людьми (оное место сделано при доме ханском высокое, куды и другие их ханы, когда их хотят низвергнуть, имеют убежище для договору, чтоб ево пустить живова или кто б к нему пристал в партию и выручил, только де оное место могут разорить или на нем людей голодом изморить) и надеемся де, что новой хан уже действительно вступил, а старова хана конечно достанет, либо де ево отпустят живова или уже уморить, о чем мы ожидаем вскоре вестей...

Посланной от купца Лошкарева вместо толмача астраханской юртовской татарин Муса объявлял, что между де разговорами сказывали ему трухменцы, сколько и которых пород при Мангишлове сидит кибиток. А именно:

На островах породы Обдаловой, кибиток с 50, породы Бурунчуковой, кибиток 57, породы Икдырцовой, кибиток 18.

На горах в разных местах:

К Хивинской дороге от пристани езды 4 дни породы Салдырцовой, кибиток 12.

У Акбугазу между гор от пристани езды три дни породы Беджаджи, кибиток 32.

У Карагани породы Бурунчуковой, кибиток 15.

К Балхану породы Солдырцев, кибиток 57.

У колодца к аракую породы Икдырцовой кибиток 12.

Итого кибиток 253...

Из журнала капитана В. Копытовского, 1745 г.¹

Июня 9. Отправился из Астрахани в путь свой к Мангишлацкой пристани на шмаке² «Гусе».

¹ ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, д. № 2, 1745 г., лл. 30—67.

² Шмак один из тогдашних типов морского судна.

Июля 13. Прибыл к Мангишловской пристани всеблагополучно.

1. Того же числа по полуночи в пятом часу послан татарин Муса Утепов и казаков три человека трухменского народа к старшинам, и приказано было объявить им о приезде моем, что прислан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева¹ для их надобностей, о чем и имею к ним старшинам от него тайного советника и письмо и для приему того письма и надлежащего им объявления чтоб ко мне приехали без всякой опасности. И приказано ж ему было тако ж и казакам, чтоб между тем у них трухменцов приличным образом секретно наведаться, сколько их числом, в одном и в других мест жительство имеют, как военных, так и имеющих скот и протчего избытка, и присматривать из их разговоров, в каком они состоянии находятся и имеют ли прямое свое намерение и желание быть в подданстве ее императорского величества.

Того ж числа по полуночи восьмом часу усмотрено было с судна, что на берегу людей многи и между теми посланной от меня татарин и казаки стояли у берега и для того послана была яла² и по полуночи ж в 10-м часу показанной татарин и казаки привезены на судно, которое объявили.

— Когда де мы выпущены на берег и отошли от того места версты с две или более, и попались нам навстречу трухменцов человек с дватцать и остановили нас и спрашивали, куда вы идете. И мы объявили, что посланы к старшинам для объявления, что пришло судно и на нем прибыл капитан, чтобы они с ним виделись, то де они сказали, что уже де мы ко всем послали о том сказать, что судно пришло, а вам де ходить незачем; хотя де татарин Муса им и говорил, что нам де надобно самим ко всем итти и объявить, токмо не пустили и, посадя на лошадей, привезли с собою к пристани.

Татарин Муса объявил: возвратил де нас Канбарбеков брат двоюродной Баувлет Берды, Карабатыря брат родной Пиржамамбет да Онбеги Сунгурапа названной сын, которого де все почитают сыном, а как его зовут, того не знаю. И ехавший де дорогой Канбарбеков брат сказывал мне про себя, что жил он при Хиве со всеми своими домашними. И пришло де к Хиве персиян по известию слышно, что около 40 тысяч и от того де страха от Хивы они отошли ко оной пристани, а сколько сих отошло того де не сказал, а другие трухменцы из Мутовщины отошли к Балханским горам, не желая быть у шаха персидского в подданстве, которых де будет более 1000 кибиток; хотя де к ним шах присылал и нарочного персидского хана, обещавая им всякую показывать милость и немалое награждение, чтоб они были у него в подданстве и дали б ему войска, токмо [были] б все [из] знатных, а они де перее думали было и отдать ис подлого, а паче ис пешего народа, но потом услыхали, что он желает лучших, то де они отказали ему и присылали де сюды в Мангишлов к брату его Канбарбеку, которого просили, чтоб он приехал к ним для совету; к тому ж может ли де он у русских людей исходатайствовать, чтоб де они нас не оставили привозом мукою для пропитания нашего, и, буде может, то и мы де все придем в Мангишлов, а у персидского де шаха быть в подданстве не хотят, потому что они в своих словах весьма непостоянны и верить им не можно, на оное де брат мой только присланному сказал, что он стараться о привозе муки будет, а во оные теплые дни ехать к нам не может, а как будет холоднее, туда приедет.

¹ Татищев В. Н. (1686—1750 гг.) — историк. Участвовал во взятии Нарвы, в полтавской битве и в прутской кампании. Впоследствии был начальником уральских горных заводов. В 1741 г. — был назначен в Царицын управляющим Астраханской губ.

² Ял — небольшое гребное судно, имеющее два или четыре весла.

Муса же объявил, сказывал де мне трухменец Нефее мергень, что нынешним де летом пойманы были едущие в лодке русские люди, а сколько числом — того не знает, живущими де трухменцами на островах, которые де от тех трухменцов бежали в лодке ж и, будучи близ Караганской пристани, поймали их трухменцы ж и ныне де оные в Игдырском улусе у Баубека батыря, из которых видел он одного русского, у которого на ноге пальцев де нет, да персидской природы мужика да бабу, а более не видал, только слышал, что поймано де их человек семь мужеска и женска полу и когда де я поехал на судно, то говорили де мне Канбарбеков брат, тако ж и Гурбанова роду не весьма из знатных старшина Касим и прочие, чтоб взять их на судно, то де я им сказал, что они подождали, а я де о приезде вашем капитану донесу.

2. Того ж числа во втором на десять часу по полуночи послал ялу для привозу на судно показанных и приказал, чтоб много людей не сажать, а паче смотреть, какого б вреда не учинили, и для того близко к берегу не приставать, а для знания, кого надлежит посадить, послал я татарину Мусу, которые приехали на судно пополудни в начале первого часа и привезли с собою трухменцов десять человек и татарин Муса объявил.

— Из оных де приезжих — именами старшина Касим да Канбарбеков брат двоюродной Баувлет да Карабатыря брат родной Пиржамамбет, и оной де Касим говорил, что они, живущие при Мангышлове, с казаками прежде сего имели немалую ссору, а нынешним летом назад тому полтора месяца помирились и по том мире касаки де пригнали к нам на продажу баранов тысячу, которых променивали на один конец бязи барана и по промене поехали обратно, тако ж и ис трухменцов наших поехали к ним для торгу, а сколько же числом, не сказал. При том же и о Хиве говорил...¹

3. Приказал я спросить: а старой хан хивинской, которой пред сим был, ныне где обретается также умутовские трухменцы, не подданные ль шаховы?

— Касим де объявил: в Хиве де хан еще тот же ханствует, а что ныне тамо делается, о том у нас еще известия нет, а умутовские трухменцы в подданстве у шаха никогда не бывали, и знатно де, не для ль того и присылал, чтоб их к себе в подданство привести, а ныне де мы нарочно трухменцов своих в Хиву посылаем, для торгу, а более для вестей, что тамо делается. Да он же де Касим с прочими спрашивает, что де он капитан к нам приехал с торгом или де для какого дела?

4. Приказал им объявить, что послан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева для их надобностей. Токмо надлежит вам всем собраться здесь, тогда я присланное со мною от астраханского губернатора письмо вам вручу, тако ж и словесно объявлю. При том же велел объявить, что от меня нынешний день нарочно к ним старшинам посылаемы были четыре человека для объявления о приезде моем и о приезде их ко мне, токмо не допустил их Канбарбеков брат Даувлет Берды и возвратил назад, чего ради?

— На что де они сказали, что весьма то хорошо и им приятно, что все будут в собрании и что де ты нам объявишь, то слушать будем, а посланных де ваших возвратили того для, что им итти весьма далеко, а иных де и найти не знают где, а от нас де уже другой день как завидели судно, послано ко всем к ним и надеемся де, что к завтраю соберутся, для того де их и возвратили, а паче де пойдут они горами и ущельями, и чтоб наши трухменцы не учинили им какого вреда, ибо де у нас люди вольные.

¹ Далее повторение того, что было приведено на стр. 211.

А потом по полудни в первом часу свезли оных с судна на берег.

5. Того ж числа пополудни в 5-м часу послан был татарин Муса и казак Григорей Никитин, — понеже он знал разговор по татарски, — к старшинам трухменским в ближней улус, о котором сказывали, что разстоянием более не будет 10 верст, яко для объявления, чтоб собрались все и приехали ко мне, и между тем, чтоб высматривали, что принадлежит против прежнего им приказа, как прежде посланы были, да к тому ж и поименных русских людей, у кого они имянно и много ли их, как мужеска, так и женска полу, разведать подлинно.

Пополудни в 6-м часу возвратились обратно и привезли с собою трухменцов четырех человек.

— Муса объявил, что оной де объявляет о себе, что он старшина Гурбанова рода Айтуду и кочуют де они от Мангышлова к Енбе, езды будет более недели, а прежде сего жили при Мангышлове, только по несогласию между собою отошли и жили близ Хивы тому де уже много лет. А нынешним летом пришло к Хиве персиян 12 тысяч... А нас де отошло от Хивы более 700 кибиток, в том числе и Бузакеева рода аюмутовские отошли более 1000 кибиток¹ в Балхански горы. И мы де все желаем быть лутчее в подданстве ее величества, нежели де нам так бродить. Да он же де Айтуду спрашивает, что де он капитан сюда приехал для торгу или де для какого дела?

6. Приказал им объявить, что послан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева для их надобностей, и надлежит им собраться, всем старшинам, тогда я им вручу присланное со мною от астраханского губернатора письмо, також и словесно объявлю.

— Объявил де он Айтуду, что весьма де изрядно, что при всех будет объявлено, и мы де будем на берегу дожидаться и надеемся де, что завтра старшины Канбарбек с протчими сюда будет, а начует де он ныне в ближнем здесь улусе, который недалеко 10 верст состоит.

Потом в ысходе шестого часа оные свезены с судна на берег.

7. Того ж часа татарин Муса и казак Григорей посланы паки в ближней улус, где будет старшина Канбарбек начевать, для разведывания, о чем в первом пункте имянно написано, притом же и наведаться тайне, не были ль из калмыцких улусов от Дондук-Даши² зачем калмыки или его владения трухменцы и буде были зачем имянно?

И по отпуске оных усмотрено было, что никого уже трухменцов по берегу нет, то поехал я на берег, взяв с собою солдат шесть человек для осмотра, где б способно построить крепость и ходил от пристани с версту и более, тако ж и на горы всходил, токмо к построению крепости весьма место неспособно: 1) что горы весьма высоки и крутые, а горы все камня мелового и от дождей валяются, ущельев между ими много; 2) пресной воды нет, только между гор против пристани в ущелье один колодез и вода пресная, а более не сыскал. А пристань судам весьма безопасна, а далее было итти для осмотра опасно, к тому ж наступала ночь.

[Июля 14] — 14-го татарин Муса с казаком на судно прибыли и объявили: ночевали де мы в ближнем от пристани улусе, и ночью приехал старшина Канбарбек с прочими старшинами, где и ночевал, но токмо де за ночным временем ни с кем разговоров иметь было нельзя, а паче у них между собою был великой крик в разделе пожитков. Хотя де мы некоторых и спрашивали, что о каких пожитках кричат, только де нам не сказали; и в то ж время приехал брат родной Канбарбеков Егенбек Аталык в дватцети человеках, о дву конь, и сказывали де

¹ Так в подлиннике.

² Дондук-Даши — сын старшего сына калмыцкого хана Аюки, Чакдорджаба; управлял калмыками в качестве наместника с 1741—1761 гг.; в звании хана с 1757 г.

нам трухменцы, что отправлен он в Хиву для того, что там делается; буде же де все против прежнего благополучно, то хан ведет для подарку одну лошадь, а буде есть смятение, а паче от персиян, то высмотря, где удастся разбить деревню или где на персиян напасть. При том же де нам сказал один трухменец, что есть де у одного Канбарбекова брата русской человек, которого де везет он для продажи в Хиву, о чем де мы поутру показанному Канбарбекову брату между разговоров говорили, чтоб пожаловал имеющегося у себя русского человека в Хиву не возил, а отдал бы здесь присланному капитану, которой де нам сказал, что оной де русской не украден нами, но пойман к тому же де и он, нас просит, чтоб русским не продавать, а продать бы куда хотим, токмо б не русским. И видели при том мы улусе, что у них ружья очень немало, тако ж есть луки с стрелами, только очень мало у приезжающих трухменцов, а улус только де состоит в трех кибитках, а скота весьма мало; и между разговоров слышали де мы, что и у всех у них скота не очень много, а пропитание де свое имеют более — бьют коз диких, также де и фабрик никаких нет, кроме того что только армяки ткнут и более де промышляют своим воровством: ездят в кайсакки и к Персии...

8. 14 июля. Пополночи в 11 часу кричали с берегу, чтоб прислать к ним татарина Мусу, и видно было, что уже у них много собралось. И потому того ж часу послал я татарина Мусу проведать, все ль собрались, а буде еще не все, то пообождавать и сказать, которые приехали, чтоб пообождали других старшин, ибо надлежит при собрании всех отдать им от астраханского губернатора присланное со мною письмо тако ж и словесно объявить для их пользы.

— Муса, приехав на судно, объявил, что собралось де их старшин трех родов: Делинского рода — Канбарбек, Гурбанова рода — Карабатырь, Менгле-ходжина рода Онбеги Сунгурап. И говорил де Канбарбек с товарищи, что нас де приехало здесь трех родов, и мы же де изо всех есть главные, а всех де нам дожидаться будет долго и, ежели де нам не отдаст письма, то конечно де мы поедем обратно. Також и отправленного в Хиву держать здесь не будем, ибо де ему время ехать, а мы де для того его удержали, что и он будет знать и, буде к нашей пользе, то он может и другим трухменским народам о том сказать.

9. Еще послал я татарина Мусу и велел им объявить, чтоб хотя до завтра подождали для того, что мне велено вручить при собрании всех родов старшин присланное со мною письмо и словесно объявить к вашей общей пользе. Тако ж и Канбарбека приказал просить, чтоб он брату своему русского человека не приказал в Хиву возить, а оставил бы здесь и ежели им потребно будет, то хотя я и выкуп отдам, и как возможно приказал, чтоб их уговаривать, дабы дождались всех старшин, уповая, что тех разговоров послушают.

— Муса, приехав на судно, объявил, что Канбарбек де с товарищи сказал, что нечего де нам дожидаться, пусть де он тех старшин дожидается и тем объявит, а мы де поедем в улусы, и велели де лошадей седлать; тако ж и отправленному в Хиву Канбарбекову брату приказали Егенбеку Аталыку ехать, и оной приказал всем садиться на лошадей. То я де сказал им, что на то сердиться не надобно, но лучше до завтра подождать, и, буде никто не будет, то уже завтра он вам письмо вручит, но только де все кричат, что не хотим ждать и велели: поезжай де скажи, что конечно мы ждать не станем и уедем в улусы свои.

10. И по тому их объявлению уже принужден был послать за ними ялу для взятия их на судно, опасаясь того, чтоб тем не привести их в злобу и подлинно б не уехали. Привезены на судно Делинского рода — Канбарбек и при нем братьев родных два: первой — Егенбек

Аталык, другой — Мурат, того же рода Караесаул, Гурбанова рода — Карабатырь, Менгли-Ходжина рода Онбеги — Сунгурап, тако ж родственников и свойственников, как их, так и прочих родов, всего 59 человек и притом говорили.

— Канбарбек де с товарищи говорили: мы де сюда на судно приехали трех родов... и для чего де вы нас сюда призвали, пожалуй нам объяви, а что же де вы велели, чтоб нам пообожждать других родов старшин, то мы их дожидаться не будем для того де, почему можем знать, что которой будет или нет, ибо де мы их старшее, а оне нас младшее, и мы де для того, чтоб они ехали, к ним послали сказывать нарочно, а вашим де туда людям, хотя вы и посылали, за дальностью итти нельзя для того, что де у нас люди самовластны, убьют или что учинят, то уже сыскать будет невозможно, а хотя де трех родов здесь старшин и нет, но токмо де есть их родов люди, которые, услышав, какое есть дело, им скажут.

11. Потом уже объявил им, что послан я от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева к ним старшинам, и прислано со мною письмо, которое им отдал, и, приняв оное Канбарбеков брат, приложил печать к голове своей, и потом подал Канбарбеку; Канбарбек, приняв, распречтал, и просил меня, что нет ли де абыза¹, кому б было прочесть, и велел я посланному со мной абызу письмо им прочесть, которой им и прочел.

— По прочтении письма Канбарбек и прочие при нем говорили, что то писано к ним весьма изрядно и на оном де мы благодарны. А что ж де письмо послали с хивинским посланником² по согласию своему, для того де, что он туда едет и нам исходатайствовать по нашему желанию обещал, а что же де не подписались на том письме и печатей или знаков не приложили, для того, что у нас де такого обыкновения прежде сего не бывало и писывали так просто, как и ныне куда надлежит пишем.

12. И на оное их объявление приказал я им объявить, хотя вы чрез хивинского посла прошение свое ко двору ее и. величества³ отправили для своей пользы, а надобно б вам и прилично самим о себе о бытии вам в подданстве ее и. величества и о зачислении отправить из старшин знатных людей несколько человек, а чрез постороннего владеющего посла ходатайство иметь кажется неприлично. И будучи вы в подданстве ее и. величества, весьма милостию ее императорского величества и во всем удовольствии пользоваться будете и, буде изволите, посылать от себя, то конечно надобно послать из знатных и умных старшин, которые б обо всем, что к вашей пользе принадлежит могли как с астраханским губернатором советовать, а паче у двора ее и. величества свои представления ясно объявить.

— Канбарбек с прочими объявил, что от нас письмо послано с хивинским посланником для того, что он поехал ко двору ее и. величества и обещал де нам по прошению нашему исходатайствовать, а ныне уже как видим, что ты де прислан от астраханского губернатора и говоришь настоящую правду, и тому мы все верим и отправим от себя из знатных старшин, которые могут с астраханским губернатором советовать, а паче у дворе ее и. величества просить о принятии нас здесь живущих в Мангишлаке в подданство свое. Ибо де наше желание к тому уже немало лет, чтоб быть в подданстве ее и. величества, но токмо не допускало время. А в прошедшие де лета нас здесь было немалое число, и был у Караганской пристани с русскими немалой торг, куда

¹ Мусульманский священник.

² Хивинский посол в 1745 г. в Астрахани по просьбе туркменов передал их ходатайство о принятии в подданство России.

³ Елизаветы Петровны.

имели и из Хивы приезжая торговать. Но по несогласию нашему между собою, многие от Мангишлова отошли, которые к Хиве, а другие к Балханским горам; но ныне слыша, что персидское войско пришло к Хиве, то все тухменцы отошли прочь и многие пришли в Мангишлов, а прочие в другие места неподалеку от Мангишлова. И как оные, так и прочие где б они ни были, да услышат, что мы в подданство ее и. величества приняты будем, то все тому рады будут и о принятии в подданство ее и. величества просить не оставят для того, как мы, так и прочие ни у кого еще в подданстве не бывали, а ныне желаем быть в подданстве ее и. величества, и для этого прошения некого из других нам выбирать, мы де поедем сами, старшины Делинского рода я старшина Канбарбек, Гурбанова рода Карабатырь, Менгли-ходжина рода Онбеги Сунгурал и еще де возьмем от четвертого рода, кто придет.

13. Показанное намерение ваше весьма изрядно и по мнению моему видится, чтобы здесь построить и крепость для того, ежели она будет полезна: 1) что можете вы во время на вас неприятельского нападения под защищение к ней прибегать и без всякого вреда от оных неприятелей со всеми своими домами укрыться, 2) что российские купцы охотнее и безопаснее к вам для торгу с хлебными запасами и прочим ездить будут, потому что многие российские купцы, не видя здесь к защищению их от неприятеля никакой крепости или оборонительного места, ездить ныне бояться, а когда она построится, тогда многие охоту ездить к вам с торгом возымеют, отчего вам будет немалая польза.

— Об оном де мы благодарствуем, токмо де у нас у всех о построении крепости желание есть и, как будем у двора ее и. величества, то как де о принятии нас в подданство, тако ж и о построении крепости и о чем принадлежит просить де будем, а чтоб писать на письме, того не надобно, потому что мы главные старшины едем сами, а не других посылаем, да к тому ж де нам и других старшин дожидаться не для чего, ибо де они живут весьма далеко и не можно их дожидаться ни в две недели или де оные и вовсе не будут; да в них де нам и нужды нет, когда уже де мы главных родов сами едем и у двора ее и. величества в подданство приняты будем, то тогда де не токмо оные, но и многие придут и будут просить у двора ее и. величества о принятии ж в подданство...

14. ...Потом говорили, что естли де у вас для нашего народа для продажи как мука, так и прочее и что чего имянно скажи нам и по какой цене, и ты де прислан для торгу ль сюда, или чего другого и, буде что есть, вели продавать и цену невелику держать и как де мы здесь положим цену, по тому вели и продавать, для того де по нашему обыкновению прежде уставляем цену мы и по уставлении цены всяк уже повинен так и купить безспорно...

17. Приказал я им объявить, что вам уже от меня довольно объявлено, что я прислан не для купечества, но для вашей надобности, о чем и из письма, привезенного мною к вам, которое я вам уже вручил, видеть довольно можете, к тому ж и для ваших нужд имеется муки на продажу сто пятьдесят кулей (а более для того оное число объявил, ибо надлежало оставить для подарка старшинам, ибо и дарить их надлежит тайным образом, дабы никто про то не знал, а буде узнают, то и тех дари, хотя в нем и никакого дела нет, только одно своевольствие).

— То оные де старшины, не справшивая цены, по чему куль, вели де подать один кушак немало ношеной, шелковой с бумагою и говорили, что де много ли за оной кушак даст муки кулей, которой по астраханской цене не более не стоит ценою, как осмидесят копеек.

18. И на оное их объявление приказал им объявить, что прежде конечно надлежит окончать свое прошение, о чем вы просить у двора ее и. в-ва желаете, а потом и о продаже муки цену положим, по сколько надлежит деньгами и по той цене можно, у кого денег нет, и на товар сменять, а оной кушак не стоит четвертой части куля...

19. И по тому их прошению¹, а паче видя, что являются склонны, велел отдать муки два куля, при том же приказал говорить им: уведомился де я, что у Канбарбекова брата Егенбека Аталыка есть русской человек, которого он везет для продажи в Хиву, и прошу, чтоб оного в Хиву не возить, а отдать мне; да к тому ж прошу и еще о сыску и других, буде есть, то прикажите ко мне привести, и ежели то учините, то конечно вам от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора немалое в приезд ваш благодарение к тому ж и награждение за ваше таковое услужение, а паче у дворе ее и. в-ва, когда будете, похвалу получить можете.

— Канбарбек де с прочими сказали, что де это дело не наше для того, что оной брат мой едет в Хиву и потому у него нам взять нельзя, разве де как сам с вами договорится, а мы бы де весьма тому были рады, чтоб вам отдать, да не слушает и не отдает; потому ж и обычай наш — даром не отдают, что-нибудь надлежит ему за того русского человека отдать. И по тем их словам принужден был покупать и просил тридцети кулей муки, да на кафтан сукна пяти аршин и притом же оной Канбарбеков брат говорил; что я де тому русскому человеку побоялся, что его русским людям, тако ж и татаром, не продавать, а продал бы в Хиву или в Бухары, потому что он меня весьма просил; и спрашивал де я его, какой ради причины русским не продавать, то де он мне сказал, будучи в Астрахани учинил смертное убийство, якобы одного калмыка с детьми зарезал, и от того бежал, а мы де оных близь Тюк-Караганской пристани мужеска и женска полу пятерых переловили, которые ехали в лодке, и на мой де пай достался показанной русский человек. И говорил; что подлинно де менее двадцати кулей муки да сукна пяти аршин не возьму, и то де я отдаю для того, что мы желаем все быть в подданстве ее и. величества за такую малую цену, а в Хиве де могу взять более ста рублей.

20. И видя я по тем их, старшин, ко мне ответам, принужден муки двадцать кулей отдать из казенной и пять аршин сукна, взяв оное сукно у татарина Мусы, и потом послал на берег, отдав половину муки, взять того русского, которой у них спрятан в ущелье, и по взятии оного и достальное отдал. И по привозе на судно спрашивал я показанного мужика при показанных старшинах, для того им велел его речи переводить, чтоб и они знали. Показал:

— Зовут де меня Иваном Семенов сын Кузнецов, дворовый человек астраханского посацкого человека Лаврентья Иванова. Бежал с женою своею Катериною Степановою дочерью тому уже два месяца. Да бежали ж с нами его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева человек его Иван Григорьев, да астраханского жителя Алексея Святова человек Андрей Никитин с женою Прасковею Ивановою и с сыном Герасимом, которой еще дву месяцев, да Степан, а чей сын и чей человек, — того не знаю, да Александр Петров сын Черняев...

21. Приказал я показанных старшин просить, чтоб как возможно показанных русских людей приказали отыскать и отдать мне...

— Показанные старшины объявили, что мы де весьма о том, как возможно, стараться будем, чтоб тех русских людей выручить и пошлем от себя нарочных в Тюк Карагань и знаем, у кого они.

¹ Старшины просили отпустить им для личной надобности 2 четверти муки.

22. Потом приказал их накормить по их обыкновению: двум человеком блюдо наложу меду с калачем, и между разговорами приказал я говорить им, не могут ли из их трухменцов взяться, чтоб нашего русского человека безвредно могли препроводить до Аральского моря и подле оного до Хивы и обратно в Астрахань его поставить за заплату ис хлебных запасов или денег, на чем может договориться со мной.

— И на оное де они старшины объявили, что в нынешнее де время послать невозможно, и охотников таковых никак отыскать невозможно, потому что де в Хиву пришло персичкое войско и что ныне тамо делается, того еще мы не знаем и для того де ныне посылаем Канбарбекова родного брата Егенбек Аталыка и, как он оттоле возвратится и объявит, что тамо все благополучно, тогда много охотников у нас будет, хотя б и далее показанного места...

25. По полуночи в 9-м часу кричали с берегу, чтоб прислать татарина Мусу, которой и послан:

— По полуночи во 12-м часу, приехав, татарин Муса объявил, что Канбарбек де с прочими трех родов сказал, что когда де он¹ хочет еще других дожидаться, которых ни в месяц не дождется, и в том де нам нужды нет...

И потом говорили скажи де капитану, чтоб к нам прислал муки два куля для того, что нам и людям нашим есть нечего, и завтрашней день будем де к нему. А другие де говорят, чего де нам дожидаться: лучше де домой ехать. А Канбарбек говорит, что только пробудем до завтра. А иные де кричат: зачем де вам с прошением самим ехать, лучше кого послать. А более де всех разбивает им трухменец Мурат Нияз мулла. И я² де, его отозвав, говорил ему, для чего де ты так делаешь, то де он мне сказал, ежели де мне дадите куль муки, то де я вам буду верен и что де надобно, то все сказывать буду; и на то де я ему сказал, что конечно оставлен не будешь, понеже де они его старшины слушают. И будучи я на берегу многих трухменцов спрашивал, что не возьмется ль кто русского человека свозить к Аральскому морю, но токмо никого не отыскалось.

26. Пополудни в 1-м часу послал я к ним один куль муки по просьбе их для того, чтоб и за подлинно не уехали и приказал объявить, что прошедшего дня отдано два куля, а как потребно будет ч еще пришлю и праказал оному татарину Мусе секретно, дабы никто не видал объявить каждому старшине по пяти кулей муки в презент для того, что ежели одному говорить тихо или отойдя к стороне, да увидит другой, то татарина не отпустят без того, что б у него присяги не взять в том, что он говорил тихо, не сулил ли чего и буде даст присягу, то и поверят, и старшины их от всякого крадучись уносят что ему подарено будет.

— По прибытии татарин Муса объявил мне: как де я приехав на берег и пришел к старшинам и сказал, что прислан один куль муки и говорил, что вчерась отдано два и того будет три, а впредь ежели будет надобно, то и еще пришлется, то все де стали говорить, что де капитан нам смеется, мы де велели два, а он прислал один, а которые де взяли вчерась два меха, то те отдали де мы отправленному от нас в Хиву на дорогу. Потом де я одному старшине, которой ходил по горе, тихо сказал, что капитан де велел сказать, что как свое прошение окончаете и совсем к отъезду будете готовы, тогда подарит вам по пяти кулей муки и как де оной пришел к прочим и стал говорить, о чем де кричите, что прислано, то и хорошо, а всево де с судна за-

¹ Капитан Копытовский.

² Муса.

брать нельзя, то де все замолчали и потом сказали, что мы де завтра на судно будем и все дело свое окончим.

27. Послал я татарина Мусу на берег для привозу на судно показанного в 25 пункте трухменца Мурат Ниаз муллу, которой и приехал и, взяв я его к себе в каюту и между разговоров обещал ему куль муки; потом спрашивал его, много ли здесь всех родов и кто в тех родах первенство имеет и сколько у каждого рода кибиток или числом людей и все ли вы подлинно желаете быть в подданстве ее и. величества и о построении крепости желают ли, чтоб ее построить ныне, что старшины думают, сами ли с прошением своим желают ехать, или кого посылать хотят, тако ж для чего от трех родов старшин еще и поныне не бывали и надеяться, будут ли они сюды или нет, пожалуй скажи.

— Мурат Ниаз мулла объявил: здесь де всего шесть родов, а имянно по первенству: 1) Делинского рода старшина Канбарбек, онго рода 600 кибиток; 2) Гурбанова рода старшина Карабатырь, онго рода 100 кибиток; 3) Менгли Ходжина рода Онбеги Сунгурац, онго рода 100 кибиток; 4) Угрына рода Шапык Ниаз батырь, онго рода 100 кибиток; 5) Бурунчукова рода Алибай, только де онго не слушают, а послушны Пир Назар мергеня, который в том роде знатной человек, онго рода 100 кибиток; 6) Икдырова рода Бавбек батырь знатной человек, онго рода 100 кибиток; и надеюся де, что ныне и еще к ним их родов много пришло от Хивы, только де сказать числом еще не знаю, а старшины наши думают, чтоб им самим ехать, а другие де им розбивают, чтоб не ездить, а послать кого других, только де я держу, чтоб им самим ехать и конечно они сами поедут, а других посылать некого. И топерече де приехал к ним и четвертого Угрынского рода Шапык Ниаз батырь и советовал, чтоб самим лучше ехать при том и он де ехать желает же; а в подданстве ее и. величества все быть желают, тако ж и о построении крепости и, буде то по их прошению учинено будет, то ото всех мест, где б трухменский народ ни был, все придут и будут в подданстве для того де, что, кроме России, не от куда пропитания ждаты...

28. Еще приказал спросить, не было ль когда у вас присланных из калмыцких улусов от Дондук Даши калмык или его владения трухменцов для какого-нибудь дела; к тому ж трухменской ваш народ какой имеет прибыток и чем промышляют, фабрики ль какие имеют, или весьма много скота имеют и чем прямое свое пропитание имеют.

— Мурат Ниаз мулла объявил де, что из калмыцких улусов от Дундук-Даши калмык и его владения трухменцов никого в присылке не было. Канбарбек де, когда был в Астрахани, то де он, быв в калмыцких улусех, приехал в Мангишлов, а калмык и трухменцов тамошних с ним никаких не было и ни о чем де он не сказывал. А скота де у нас рогатого никого нет, только де лошади, верблюды, бараны и козы есть и то не весьма много; что же де фабрик никаких нет, кроме того, что бабы ткнут армяки, а мужеск пол более де довольствуются отъездом для воровства х кайсаком и к Персии, потому что у нас де люди все оружейные, а пропитание имеют болея что бьют по горам коз диких, а что ж де имеются здесь бурмети и бязи, и то все выменивают в Хиве на савры и на прочие товары, у кого каков есть, а болея на полоненой ясырь.

29. 16 июля. Пополуночи во 8-м часу кричали с берегу, чтоб прислать к ним ялу, которая того ж часу и послана, а в 9-м часу приехали на судно вышепомянутые старшины Делинского рода Канбарбек, Гурбанова рода Карабатырь, Менгли Ходжина рода Онбеги Сунгурац, да с ними ж приехал Угрынского рода Шапык Ниаз батырь и при них еще четыре человека.

— По прибытии на судно говорили: мы де вздумали, что самим

нам ехать невозможно для того, что здесь де у нас дела много, а более де для того, что мы, как поедем, то долго проедем, а здесь у нас дело какое будет и без нас некому оно окончить, ибо де мы есть главные, а паче главнее всех Канбарбек и, думав, кого выбрать, послать из других, как де ты нам совет дашь?

30. Приказал я им объявить: в том воля ваша, а мой совет конечно надлежит вам своего слова держаться, а не так, что чрез каждой час перемывать, да к тому ж весьма и то непристойно, что от многих пустые разговоры слушать и на то обращаться, ибо вы видите сами из присланного со мною к вам от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора письма, что вам советуем к лучшему вашему способу, чтоб лучшее послать ко двору ее императорского величества с прошением из старшин знатных и умных людей...

31. Потом же сказали де они: нечево де более говорить, мы де сами едем и желаем де теперь писать прошение свое ко двору ее императорского величества и вели де своему абызу написать получше тако ж и к губернатору письма... Потом де вторично говорили: пожалуй вели де своему абызу прошение наше, тако ж и письмо написать для того, что у нас знающих писать никого нет.

32. По просьбе оных посланному со мною абызу я приказал прошение от них ко двору ее и. величества о принятии их в подданство и о построении крепости и о прочем, тако ж и письмо к его превосходительству господину тайному советнику и, в каковой силе писать, я ему абызу сказывал и приказал в том прошении имянно написать, спрося их, сколько которого рода кибиток и в них мужеске полу и, написав, прочесть им и потом, чтоб и печати или знаки свои приложили б. К тому ж приказал объявить, что то весьма изрядно, буде то чрез ваше старание показанные русские люди будут отысканы, за что немалое благодарение от его превосходительства г. тайного советника получить можете, о чем и прежде вам объявлял, ибо в том числе есть человек его превосходительства, а о муке велел сказать, что тогда отдастся, когда совсем на судно сядут к отъезду для того, чтоб другие, увидав, не урекали вам.

32. И по написании прошение абыз им читал, то де они сказали все четвера, что весьма де написано изрядно, тако ж и письмо; к тому прошению мы де приложим свои печати и знаки тогда, как привезут нам из улусов наших, а лучше мы де сами поедем и привезем с собою, ибо де у нас есть в улусех дело и, исправя оное, поедем в Астрахань, а для взятя де муки пришлем верблюдов и тогда де возмем, когда де поедем в Астрахань, а сколько де у нас числом людей того мы в прошении своем не написали для того, что мы де и сами за подлинно не знаем, только де знаем, сколько кибиток и в прошении своем написали кибитками ж...

33. Июля 17. Пополуночи в 7-м часу кричали с берега, чтоб прислать ялу, которая того ж часу и послана, и привезен на судно Канбарбек, Карабатырь, Онбеги Сунгурап, Шапык Ниаз батырь и при них пять человек.

— Канбарбек де с товарищи говорили, что мы де ныне поедем в улусы для того, что у нас есть дело, а более кайсацкой посланник у нас, его надобно отпустить, к тому ж и домашние нужды исправить, а для отъезду в Астрахань приедем, считая с сим днем, в десять дней, а менее де нельзя прибыть. И говорили: мы де теперь посылаем на остров за русскими [пленными]... и надобно де тем хозяевам, у кого русские дать муки кулей по десяти, да нашим де посланным восьмью человеком десять кулей.

36. Приказал я им объявить, что то весьма много просят, а по моему

мнению, довольно б за обоих десяти кулей, а посланным вашим восьми человеком и двух кулей.

— Канбарбек де с товарищи сказали: за двух человек, когда более десяти не дает, то уже быть так, а посланным де от нас каждому по одному кулю для того, что весьма им ехать будет далеко, а буде не отдаст, то никто де не поедет и менее де того не возмут; да говорили ж де они, обещал де нам подарить по пяти кулей муки итого де нам надо для того, что без нас домашним есть будет нечего, чтоб де нам прибавил, хотя причитая ко взятым трем кулям, по семи кулей и тем де мы будем довольны.

37. Видя такие их речи принужден то им обещать и отдать тогда, когда привезут...

38. По полудни в исходе четвертого часа, кричали с берегу, чтоб подать ялу, которая и послана; и приехали на судно, по объявлению татарина Мусы, Бурунчукова роду старшина Алибай да знатной человек Пир Назар мергенъ, которого де все послушны того рода, а Алибая старшины ни в чем не послушны и при них тридцать два человека. И между разговоров объявил им, что прислан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора к ним старшинам и прислано со мною письмо, которое я за долговременным приездом вручил старшинам Канбарбеку, Карабатырю, Онбеги Сунгурапу.

— Пир Назар мергенъ объявил: мы де присланное письмо от астраханского губернатора видели и в подданстве ее и. величества быть всемерно желаем и для того де и прошение свое с хивинским посланником послали, которой де нам обещал исходатайствовать.

39. Хотя вы чрез хивинского посла прошение свое ко двору ее и. величества отправили для своей пользы, а надобно бы и прилично самим от себя о бытии вам в подданстве ее и. величества и о зашитии отправить из старшин знатных людей несколько человек, а чрез постороннего владеющего посла ходатайство иметь кажется неприлично.

— Пир Назар мергенъ объявил, хотя де мы письмо с хивинским посланником и послали, которое было велели ему отдать старшине Канбарбеку, ибо де он в то время был в Астрахани и за незнанием, что прислано будет к нему письмо, приехал в Мангишлов, а письмо у того посланника и осталось, а ныне де уже поедут с прошением ко двору ее и. величества старшины Канбарбек, Карабатырь, Онбеги Сунгурап, Ниаз батырь и мы своим родом им верим, потому что они старшие... Потом говорил де, мы де теперь поедем на берег и, ночевав, завтра еще к вам на судно будем.

По полудни в 6 часу свезены на берег.

44. Июля 19. Пополудни в 9-м часу с берегу кричали, чтоб прислать татарина Мусу, которой на яле и послан и привез с собою старшину Карабатыря да Онбеги Сунгурапа да Шалык Ниаз батыря, которые прежде упомянуты, что едут ко двору ее и. величества с прошением, и между разговоров говорили мне:

— Мы де были в улусе и отпустили возвратно кайсацкого посланника, которой был прислан к нам, тако ж и от трухменцов умутцких, и просили нас оные, чтоб вы их отпустили на судно только де посмотреть и мы просим, пожалуй, вели их сюда перевести и так же накорми, как нас кормишь.

45. По тому их прошению послал я ялу, взяв от них одного человека и татарина Мусу, и приказал, чтоб много людей не сажать, и опасаться от прочих, чтоб какой не учинили причины, как и прежде было приказано. По полудни в 3-м часу привезены на судно кайсацкой посланник и от трухменцов от умутовских и при них мангишлов-

ских трухменцов восемь человек, в том числе Угрынского рода Мамбет Бердыбек, которому бекство дано, слышел я, в прошлом году от хивинского хана и притом имел я с ними разговор, что оттуда они приехали и давно ли и до меня какое имеют дело, буде имеют, то б объявили.

— Кайсацкий посланник говорил: я де прислан сюда от Абулхаир хана, а зовут де меня Киат Ишхова рода, для нашего общего дела. Наперед де сего имели мы с трухменцами всегда ссору и друг друга раззоряли, а ныне по согласию помирились и впредь, чтоб ссоры не чинить. А на судно просились для свидания с вами, а дела де никакого нет. От уматовских трухменцов посланник объявил: прислан де я Мангишлацким старшинам для нашего дела, а зовут де меня Таган и кочевали де мы прежде сего возле Балханских гор и от Хивы недалеко; назад тому будет два месяца, пришло персичьё войско, слышели де мы, что 40 тысяч, а подлинно не знаем; и увидя мы от них нечаянное нападение, отошли в Балханские горы далее, и думаем притти для житья к Мангишлову на старинное свое жилище, а там жить уже не хотим. А ныне что де в Хиве делается, того не знаем, только де слышно, что персидский хан и хивинской живут в Хиве и никакого раззорения нет, только де дожидаются от шаха указа, а о каком, деле, того не знаем.

46. Потом приказал я их накормить по их обыкновению медом с сухарями и потом велел свести всех на берег и желал было и еще от них что уведать, да невозможно было, потому что они сами сказали, что время де нам ехать. И как яла отвалила от судна, то кричал с ялы вышеупомянутой Угрынского рода Мамбет Бердыбек, угрожая:

— Я де, как приеду к берегу, то де ялу вашу разобью за то, что де мукѣ дорогую цену положили, которую и купить нельзя и мне де в том нужды нет, я де русских людей не боюсь.

47. И услыхав я такое ево злое намерение, опасаясь, дабы и за подлинно того не учинилось, видя их вольность, приказал на яле паки к судну пристать и просил вышепереченных старшин Карабатыря с товарищи, чтоб остались на судне и показанному Мембетю Бердыбеку, а посланников велел одних свести; и будучи на судне, говорил я Карабатырю и прочим, для чего так оной Мамед Берды говорит и угрожает, разве за то, что в другой раз принят ласково и довольствован равно, как и вы?

— Карабатырь с товарищи сказали: Что де на него смотреть! он де и сам себя не знает, что болтает, и начали между собою браниться.

48. И при той их ссоре приказал я слушать речи, кто что будет говорить, татарину Мусе...

Татарин Муса объявил, что говорил де показанные Карабатырь и Онбеги Сунургап Мамедь Бердыю: Чего де ради ты так русским говоришь, и им угрожаешь, что ты их лодку разобьешь? Ты де знаешь, что они твоих угроз не боятся; и шедши де на судно, из лодки нам говорил, что де за один мешок мы русским людям служим, а ты де от ково доволен да и все де мы от русских довольны, ежели бы де они к нам не присылали муки, то бы отколя себе получили что де, разве от хивинского хана хочешь ты получить или от кайсаков; они де сами хивинцы, как собаки, помирают, а кайсаки от русских же довольны бывают; разве де тово ты не знаешь, как русские сюды муки, когда не приваживали, то ради бы тогда отдать за один куль лошадь, да негде было взять, а когда к нам болея будут возить, то мы против прежнего будем жить все здесь вкупе, а ты своим сердцем хочешь угрозить, а русским твое сердце — плюнуть. Напротиву того де Мамедь Берды говорил: ял де разбивать я не говорил, разве де кто на меня

сказал лживо, а что де за одну четверть муки вы русским служите, то и теперя то ж говорю, и вы де их боитесь, а мне де нужды нет. Карабатырь говорил, что де ты отрекаешься топеря, якобы ты не говорил ялу разбить, да вот де и татарин Муса слышел. И при том же сказали ему: мы де с тобой управимся, что ты де, не спрашиваючись нас, принимаешь к себе посланников кайсацких, тако ж ныне принял двух хивинцов, не сказав нам, а мы де здесь старшины, а ты де только тем хвастаешься, что тебя хивинской хан беком, потому и становишься вроде и большим, не ты де больше, много де более тебя есть. А ты бы де хотя и помолчал, а то зачал грозить и всему народу теми своими грозами обиду делаешь. И ежели де услышит народ, что так ты делаешь и русских озлобляешь, то недолго тот час: уходят, не очень де ты семенист¹, только де надежды, что, вас три брата, и думаешь тем и всех в страх привести. Нет де, русские не испугаются, Мамед Берды де говорил, что хотите то и говорите, а я де русских не боюсь и мне де нужды нет...

52. На той же лодке приехало трухменцов двенадцать человек, которых я спрашивал, которого они рода и какие люди и где живут и много ли их кибиток, которые объявили:

— Мы де Бузачиева рода, старшина Менглибай, и при мне знатной человек Шюйш, живем де мы отселе три дни ходу, а пришли мы жить от Хивы тому де будет более месяца для того, что при Хиве жить нам стало трудно без хлеба. К тому ж пришло де туда персичкое войско, а сколько и зачем, того не знаем, то мы и отошли, а паче и для того: знаем, что приваживали сюда русские муку и мы бывали довольны, а пришло де нас кибиток с 300, а ныне приехали сюда для покупки муки... И мы де желаем быть в подданстве ее императорского величества, для того де и от Хивы отошли. И говорили де Карабатырю и Сунгурапу: пожалуйста де и нас не оставьте, когда вам у двора ее и, величества милость показана будет. Карабатырь и Сунгурап говорили: мы де едим просить не для себя одних, но для всех, то оные сказали: мы де им верим и надеемся, что и нас не оставят прощением своим, а печатей де с нами нет, а посылать очень далеко. При том же де говорили Карабатырь и Сунгурап пожалуй де, вели им муки хотя куля три променять, дабы они празны не отъехали и прикажи де их свести на берег, а мы де останемся на судне для того, что де там при нас никто ничего не учинит.

Как три куля выменяли, то свезены на берег на яле.

55. Приказано было на яле матрозу Гавриле Плеханову, которой за квартирмистра был в то время, чтоб к берегу близко не приставать и как возвратно поедут, никого в ялу не сажать. Потом она яла возвратилась и привезли на ней Мамед Бердыбека, которой 19 числа хотел разбить ялу и при нем двух человек, то я оного матроза и гребцов спрашивал, чего ради привез на судно людей, для чего было и приказано, чтоб никого на судно не возить, токмо оный объявил:

— Что как де мы прибыли к берегу, то трухменцы вышли из ялы и стали выгружать муку, то оной, выехав в воду, и сел на ялу, то де мы стали говорить, что топеря на судне делать нечего и нам возить никого не велено, то де кричать и бранить и из ялы вон не пошел и еще двух человек с собою посадил и потому, видя его нахальство, опасаясь более спорить, дабы какой причины не учинил, привезли на судно.

56. Приказал оных отвезть на берег и притом говорил им, чтоб с берегу не допускать садиться в ялу, что здесь на судне дела нет, к

¹ Так в подлиннике.

тому ж близко вечер, а показанной Мамед Берды остался на судне, сослать силою опасся.

— Карабатырь и Сунгурал говорили: прикажи де нас свести на берег, а завтра де мы поедем в улусы и станем к отъезду убирася, а приедем сюда в пятницу, а прежде де себя пришьем людей и верблюдов, а Мамед Берды не замай, здесь у тебя будет, когда с нами не едет, а оной Мамед Берды говорил де: вы де поезжайте, а я здесь останусь: мне де дело есть.

57. Потом яла прибыла к судну, то велел я Мусе сказать ему, что он для какого дела здесь сидит, чтоб мне объявил.

— Муса сказал, что говорит он: я де приехал муки выменять, для чего де мне не меняют, а вчерась де на меня сказали напрасно, что будто де я говорил ялу разбить и то де все дело Карабатыря, он де на меня сказал, да я де его скоро ухожу.

58. Велел ему сказать, что здесь мука есть, о чем тебе третий раз объявляем, а ты говоришь, что ценна, а мне дешевле отдать нельзя, а буде сыщется у татарина Мусы, то, кроме вас, никому иному променивать не велю и приезжай завтра, а ныне уже поздно и велел свести на берег всех.

И приказал я, кроме гребцов, командировать на ялу солдат еще четырех человек для опасности, дабы какой у берега не учинил причины, и велел далее от людей по берегу пристать, дабы, высадя, скорее отгрести, чтоб люди не успели прибежать к ним на помощь; потом отвезя, возвратились на яле.

— Муса сказал, что он де говорит: пожалуй де, вели, хотя завтра, променять, а я де завтра буду. И по прибытии матроз Гаврила Плеханов да астраханского гарнизона Самарского полку Мулка Илдемир-ич да казак Григорей Никитин сказали: когда де высадили оного из ялы на берег и поехали прочь от берега, то оной Мамед Берды кричал и бранил и говорил, что уже де вы на берег не ездите, мы де ваше судно и ялу разобьем, а вас де всех перебьем, притом же де более ево грозил и бранил брат его меньшей.

59. Июля 21. Поутру и после обеда и в полдни беспрестанно с берегу кричали татарина Мусу и пополудни в 4-м часу велел я оному татарину с абызом ехать в малой лодке в собственной, которая привезена с собой, и не доезжая так, что из ружья дострелить не можно, только спросить, кто приехал, не Икдыров ли род, и потом ехать обратно. Но как оные стали туда приезжать то пять человек, из ущелья выехав, прибежали к морю и выехав в море, выстрелили по ним из ружья.

— Муса, приехав, объявил: как де мы приехали и виделось де мне, расстоянием были не блиско от берега и мнил, что из ружья выстрелом достать не можно, и опрашивал тоже, никого тамо новоприезжих нет, а все кричат: поезжайте де к нам ближе, а я де оным говорил, что ближе ехать незначем, а буде дело есть, говорите. То как де я еще не приехал, то видел, что один на лошади в ущелья поскакал, и видно, что конечно оной караулил, как с судна поедет лодка, то при-скакав на пяти лошадях к берегу и кричали, чтоб я к ним приехал, то я поехал скорее назад. И оные, захав мало повыше по погоде и выехав в море, по нас выстрелили из ружья, и пуля чрех нас перешла, а был Мамет Берды с двумя братьями, а стрелял брат его родной, а как зовут, не знаю.

60. После того время нас паки с берегу кричали до самого вечера, звали к себе татарина Мусу, то приказал я им сказать чрез рупор, что к ним яла до тех пор не будет, пока их старшины соберутся, Канбарбек с товарищи, да и нечего у них делать нам и им у нас.

— Муса объявил, что кричат де с берегу, что тех уже де нет, ко-

торые стреляли, и мы де дадим присягу по своему закону, что тебе ничего не сделаем и то де сделал так бездельник, за всяким де не усмотришь; пожалуй де, к нам приезжай.

62. Июля 23. Пополуночи во 12-м часу приехали с островов тухменцы в лодке семь человек для покупки муки; того ж часу с берегу по погоде приплыл к судну тухменец нагой.

— Муса объявил: оной де тухменец сказал, что прислал де его Бурунчукова роду Пир Назар мергенъ сказать, чтоб взять на судно, и они де русским ничего не учинили а учинил, де им обиду не их род и просит, чтоб взять на судно или им отказать...

63. Пополудни в 1-м часу приехали на судно Пир Назар мергенъ и с ним Эдна-Менгли и между разговоров велел я спросить его, что, где они были и для какого дела на судно приехали?

— Пир Назар мергенъ сказал, что мы де были в улусе своем, а вчерашнего дни приехали и много кричали, чтоб прислали к нам лодку, только де с судна к нам не прислали, и слышали де мы, что Мамед Берды выстрелил из ружья по вашим людям и он де так сделал очень нехорошо и всему де народу сделал обиду и за то ему, ежели более лодку посылать на берег не будете, то де конечно его убьют.

О деле де нашем что желаем мы быть в подданстве ее и. величества, в своем мы роде между собою советовали и положили, чтоб нам послать от себя особого, тако ж и прошение написать особое ж, а с Канбарбеком де и с его товарищи вместе написаться не хотим для того, что наш род их роду выше, а они де себя почитают выше напрасно. И ежели де нам не веришь, то вели де спросить людей нашего Бурунчукова рода.

64. Приказал я им объявить, что, по моему мнению, конечно мне видится надлежит вам прошение свое написать обще и послать со общего ж согласия всех родов старшин кого и сколько выберете, о чем я вам и прежде о том объявлял, а не так как только одного рода, ибо оное к вашей пользе лучшее и состоит на вашей воле, а мне до выборов ваших дела нет, тако ж и буде ваш род старше, то надлежит же вам говорить о том с ними ж старшинами...

69. Июля 25. Пополудни в 6-м часу приехало много к берегу тухменцов и кричали, чтоб подать ялу, а видно было, что старшины приехали; и послан был татарин Муса в малой лодке для проводывания, что кто приехал и приказано было, буде Канбарбек с товарищи, то пристать к берегу, потом послана будет и яла. И как татарин пристал к берегу, то послана яла и привезли на судно Канбарбека, Карабатыря, Онбеги Сунгурапа да Шанык Нияз батыря и при них восемь человек тухменцов.

— Канбарбек де с товарищи сказали, что они на судно совсем уже к отъезду приехали и обещанную де муку вели нам свести на берег, а они де уже с судна не пойдут и по отвозе той муки надлежит идти в путь. При том же де сказали, что беглых русских пяти человек не могли мы выручить, только де уже сказали тем, у кого они, и чтоб их никуда не продавали и, буде они у вас спросятся впредь, да имеется де при нас тухменцов восемь человек, из которых для услуг наших четыре человека, а четыре де, в том числе один мулла, наши ж люди, только для своих нужд в Астрахань, а паче для свидания с родственниками своими едут.

70. По тому их объявлению приказал я отдать муки всем четверем, причитая к четверем четвертям двадцать пять кулей, да тухменцу Мурат Нияз мулле один куль, которому я обещал, и по отдаче свезли на берег. И при том же между разговоров велел я спросить, что пе-

чати с собою привезли. И притом же объявил: Бурунчукова роду были у меня на судне старшина Алибай и с ним Пир Назар мергенъ и обещали они вас дожидаться для совету, видились ли они с вами или нет?

— Канбарбек де сказал, что у них с Сунгурапом печати есть, а Карабатырь да Шапык Ниаз батырь приложат знаки, ибо де в их роде печатей нет, при том же де говорили, чтоб до утра подождать для того, что послано от них за кавтаном Канбарбековым и привезут де рано. При том же де сказали: мы де Бурунчукова рода старшину Алибая видели и Пир Назара мергеня, и оной де Пир Назар сказал нам, что мы де в прошении с вами написаться не хотим и поехали в улус. И говорили, что уже нечего де ждать, никто еще не будет и утре де надлежит итти в путь и когда де мы будем приняты в подданство ее и. величества, то все де будут прилежно просить не токмо они, но и другие, что услышат, то де и придут в подданство.

71. Июля 26. Привезли к ним кафтан и потом был ветер благополучный, пошли в путь свой, потом приказал я говорить, что видится мне здесь для построения крепости способного места нет для того, что пресной воды нет.

— Канбарбек де говорил, мы де место знаем весьма есть способно, которое называется по званию нашему Кара Акын, близ Тюк Карагани, где и воды де много, которая течет из колодезев в море, к тому ж де и пристань судовая безопасная ж и когда де повелено будет построить, то уже де мы сами то место покажем.

72. Июля 27. Стояли на якоре за противным ветром не дошед Тюк Карагани; того ж числа прошение свое ко двору ее и. величества показанные старшины паки абызу, посланному со мною, читать велели, тако ж и письмо к его превосходительству г. тайному советнику и астраханскому губернатору и по прочтении пришли ко мне в каюту и приложили печати и знаки.

Потом приказал объявить им, что я у себя имею, то довольствоваться буду, а чтоб здесь на судне печи хлеба или калачей, того невозможно, потому что пшеничной муки со мною не имеется, а паче всего, что командир судна объявил мне, что де на судне печь хлебов невозможно: 1) опасности ради от пожара, 2) что весьма печь худа и мала и для того довольствия их старшин отдали им одного барана да, взяв под образом займа у штурмана Павла Лебедева его собственных сухарей три пуда, отдал на довольствие их служителям.

— Татарин Муса объявил: Канбарбек де с товарищи говорит, что де у нас собственного для пропитания нашего ничего с нами не имеется, и чтоб де нас капитан довольствовал и велел бы де про нас печи хлеба и калачи. Потом де объявил ежели де печи калачей и хлебов нельзя, то хотя де велите дать людям нашим сухарей, чтоб оные были довольны.

73. Потом приказал я спросить Канбарбека, что прежде сего слышал я от него о Хиве, что пришло к ней персическое войско, а для чего и много ли его, тогда не сказал, а обещал сказать, будучи в пути, чего для я ныне припомнил; ежели можно, чтоб пожаловал объявил.

— Татарин Муса сказал: Канбарбек де объявил, что к Хиве де пришло войско персическое, а сказывают будто тридцать тысяч и оное де войско подинно пришло не для раззорения Хивы, но для де трухменского народа, чтоб оных привести в подданство, ибо де в прошлом году, живущие трухмены около Хивы стали противу хивинцов усиливаться во всяких поступках, и мы были несклонны, то де один хивинец ушел из Хивы к шаху и сказал ему, чтоб он прислал туда свое войско, то можно де всех трухменцов привести в подданство: потому де оное войско и прислано. И умутовские трухменцы приходу того

войска не знали и, как пришло то войско, нечаянно напали, и великая де у них между собою учинилась баталия, на которой много тухменцов побито, а тухменцы де вдвое более персиян побили и отошли в горы. И потом присылали де к ним посланника с дарами, чтоб они были у шаха в подданстве, но оные де им отказали и присылали ко мне посланца, чтоб просить у русских о привозе муки на продажу, то и они придут жить в Мангышлов, которого де я отпустил обратно и обнадежил их, что подлинно исхода тайствовать могу; а потом де от них уже другой прислан, которой де был у вас и на судне, то де я оного отправил паки обратно к ним. При том же де и сына своего послал с тем, чтоб они все пришли к Мангышлаку, а о себе велел объявить, что я сам для себя и для них поехал ко двору ее и. величества просить о принятии нас в подданство и обещал им, как де буду в Астрахань, то де конечно у астраханского губернатора просить буду, чтоб одно судно послать для продажи муки в Мангышлов, и тому де они конечно поверят и будут в Мангышлов, только де того весьма жаль, что де мы долго в пути продолжимся.

74. На оное приказал я им объявить: ежели ветер будет благополучной, то конечно прибытием не замедлим.

— Муса объявил: Канбарбек де говорит, ежели де мы приедем к берегу, то б де нас уже с судна снять надобно долой и посадить на лодки, в которых де можем скорее дойти до Астрахани для того, чтоб в приезд наш скорее по просьбе нашей отправили судно в Мангышлов с мукою для продажи, чтоб де все вновь пришедшие уматовские тухменцы, тако ж и другие, удовольствоваться тем могли, ибо де они конечно уже надеяся на обнадеживание наше, не замедля придут...

83. Августа 11. Прибыли к Блиновой ватаге, где стоял с лодкой посланной из Астрахани солдат Иван Муковнин и привез с собою двух баранов и сто чюреков. И велел я им старшинам отдать одного барана да чюреков 50, то того ж часу убив, сварили и пообедав, пошли в путь.

Того ж числа по полудни в 6-м часу прибыли в Астрахань все благополучно и поставил оных на квартиры и отдал другого барана и чюреки.

Из Выписки о тухменцах, 21 февраля 1746 г.¹

Прошлого 1741 года февраля от 13 бывшей калмыцкой хан Дондук Омбо² к бывшему ж генералу адмиралу графу Остерману³ писал.

Что напред сего бывшие у деда и отца его ханского в подданстве тухменцы между собою возимели ссору и пришли в несогласие, на которых тогда киргиз касак нападали и многих разорили, а оставшие на прежнем их месте уже жить не могли и отошли к Хиве.

И получил он хан, чрез бывших людей его в Хиве, известие, что прошлою осенью во время взятия персичким шахом Бухарии и Хивы, бывшие при Балхе, Бадакшане и Бухарии тухменцы все, собравшись с 300 тысяч кибиток и желая иметь жительство с калмыцкими тухменцами на прежних своих местах и с калмыками соединиться, отошли и передние из них пришли на Мангышлак и знатные из них старшина тем его ханским в Хиве бывшим людям приказывали его хана поздравить и причем объявить, что когда они для жительства своего изберут удобное место и тогда пришлют к нему хану со уведомлением знатного человека, и что ежели он хан им тухменцам у

¹ ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, № 3, опись № 219, 1741—46 гг., лл. 1—20.

² Дондук Омбо, внук калмыцкого хана Аюки, в 1735 г. был назначен главным управителем калмыцкого народа; в 1736 г., за услуги, оказанные царскому правительству во время турецкой войны, получил грамоту на ханское достоинство.

³ Остерман стоял во главе Коллегии иностранных дел.

ее и. величества исходатайствовал им, чтоб прислано было к ним для продажи на 4 или на 5-ти стах судах муки, ибо они люди не кочевные и обжили к хлебу и где хлебных мест нет, там они жительства иметь не могут. И представлял он хан, чтоб о том послать в Астрахань указ, дабы оттуда весною того 1741 года для вспомошествования им отправить к ним купечество.

И на оное хана Дондук Омбы представление, по определению бывших кабинетных министров, от 21 марта к нему хану от Остермана писано.

Что сие дело, чтоб к тем трухменцам ехать с торгом, состоит в воле купечества. Того ради послан указ к астраханскому губернатору князю Голицыну, чтоб он о том велел объявить тамошнему астраханскому купечеству, дабы из оных охочие люди с хлебом и с другими товары туда ехали.

А елико принадлежит до желания тех трухменцов о искании высочайшей ее императорского величества протекции, и о сем, когда их будет формальное прошение, то тогда по усмотрению их состояния и резолюция воспоследовать может.

А в указе от того ж числа к астраханскому губернатору князю Голицыну писано.

Чтоб ему губернатору осведомиться, как напреж сего в те места, где те трухменцы бывали, хлеб отпускаван был и чтоб ему в том поступить по прежним обыкновениям и по его усмотрению и сперва отправить туда для пробы с мукою и с другим хлебом хотя небольшое число и притом послать кого под претекстом купечества искусного человека и велеть оному удобовозможным образом разведать о множестве того народа, и военной ли оной, и какое оружие имеет, а особливо, в каком состоянии и намерении находится, и где прямо свое пребывание имеет желает, и когда он губернатор в том усмотрит пользу интересов ее и. величества, в таком случае и еще к ним с хлебом послать, и несколько человек из них знатных призвать ему к себе и со оными пространнее переговорить и милостью ее и. величества обнадежить, и, когда усмотрит пристойность, то может говорить им от себя, чтоб они для всеподданнейшего прошения высочайшей ее и. величества протекции отправили кого из себя знатных старшин ко двору ее и. величества и, тако приласкав, на отпуске может чем пристойным и подарить, да и в бытность их в Астрахани квартирую и кормом удовольствовать и тем подать им случай, дабы они и мимо калмыцкого хана о всем к нему губернатору адресовались. И когда от них нарочные посланцы будут сюда отправлены, и ему губернатору оных, удовольствуя кормовыми и прочим, сюда отправить, а хану Дондук Омбе о купечестве, ежели б он стал от него губернатора требовать известия, объявлять так, как к нему хану отсюда писано, что все положено на собственное его губернатора рассмотрение.

И от 28 августа того ж 1741 года оной губернатор князь Голицын в коллегию иностранных дел доносил: что по силе того указа посылал он к Мангышлаку к трухменцам, под претекстом купечества, астраханского гарнизона капитана Гаврилу Тебелева на одном судне с запасом и велено ему, тамо будучи, о всем надлежащем наведываться и оной капитан Тебелев на том же судне оттоль в Астрахань возвратился и о бытности его тамо подал ему губернатору журнал, из которого усмотрено, что трухменцев находится тамо по островам и по горам в разных местах только 253 кибитки...

А 1745 года мая от 13 числа бывшей в Астрахани губернатор тайный советник Татищев доносил: что приехавшей в Астрахань из Хивы

посол Аджи Могамед Ахун мулла Турсунов объявил ему словесно, яко в бытность его при Мангышлакской пристани от кочующих во оном месте туркменцов шести родов старшин поручена ему комиссия о исхodataйствовании при дворе ее и. величества о принятии их туркменцов в подданство российское и для их бы зашщипения во оном месте построить город, причем объявил от них старшин письмо на имя ее и. величества, но у оного их письма, как обыкновенно бывает, печатей нет, и о построении города в прошении их не написано.

И потому по силе указа от 21 марта 1741 года для подлинного об оном осведомления и сколько их числом, как военных, так имеющих скота и прочего избытка и о сущем их туркменцов желании подданства Российского отправил он тайный советник на морском судне астраханского гарнизона капитана Копытовского и муки ржаной казенной до 200 кулей и велел он тайный советник: естли сущее имеют они туркменцы желание подданства ее и. величества, то б написали обо всем к ее и. величеству свое прошение обстоятельно и свои печати приложили и с тем отправили б из старшин и знатных людей несколько человек, к чему всячески со обнадеживанием их склонить и буде к тому склонятся, то из оной посланной из Астрахани муки подарить им старшинам мешков по 5 или более, по усмотрению обстоятельства, а естли не склонятся, то оную муку продать или променять. И при том его доношении с письма поданного хивинским послом приложена копия, а во оной написано.

Ее и. величества раби, живущие при Мангышлаке, туркменские старшины Делинского роду Канбарбек, Менгли-ходжинского роду Сунгурап Онбеги, Угранского роду Мембетъ Бердыбек, Гурбанского рода Карабатыр, Бурунчукского рода Алибай и Икдырского рода Баубек Батыр, мы вышеписанные вашего и. величества раби и с Мангышлакскою землею желаем быть рабами и в подданстве вашего и. величества, чего ради сие наше прошение написав хивинскому послу мулле Аджи Могомеду вручили, дабы оное до вашего и. величества дошло.

Того ж 1745 года июля от 22 подполковник Спицын в коллегію доносил.

Что того июля 20 дня наместник ханства калмыцкого Дондук-Даши присылал к нему прикочевавших в подданство ее и. величества в 30 кибитках туркменцов мужеска 52 и женска пола 49 человек, которые отправлены были от коменданта Гурьева Яицкого городка под конвоем капрала и двух салдат, и из оных туркменцов один старшина, называемой Новот, при разговорах о себе объявил, что прежде сего, когда Хива и Бухария и прочіе тамошніе орды вступили в подданство шаха персидского, и тогда они туркменцы к нему шаху в подданство не пожелали и для того определено было над ними от шаха шесть ханов, которые им, туркменцам, многие обиды причинили, но они, туркменцы, не стеряя того, учинились им противны и убили первого хана, за что уже шах персидский приказал собрать войски тамошних орд и свои персидские и итти для разорения их туркменских орд. И был у них бой чрез целые сутки, и убили они, туркменцы, еще ево ж шаховских знатных трех ханов и, видя на себя такое нападение, пошли на побег с 10 тысяч кибиток по разным местам в урочище Казыл Джелгын, а он, Новот, покочевал в подданство российское, потому что имеются при помянутом наместнике ханства свойственники его туркменцы ж Эрке батыр и прочіе, а в Астрахань они туркменцы не кочевали за тем, что они за продолжением в пути пришли в самое убожество и все свои кибитки разбросали, а для объявления о себе послали в Астрахань из старшин двух человек.

При том оного подполковника Спицына доношении прислано от наместника ханства Дондук-Даши письмо, в котором в коллегію ино-

странных дел написано: что древние их трухменцы, отошедшие в Хиву, ныне с хивинцами, также и с персиянами, учиня междоусобие, перешли оттуда на старое их жилище, называемое Мангышлак, откуда из тех трухменцов пришло к нему наместнику ханства 30 кибиток, и объявили о себе, что они пришли по вышеписанной причине и памятуя древнее их жилище и владельца их, и что, и кроме их, многие желают в калмыцкие улусы притти, токмо в переходе их имеют опасение от касак, причем он наместник ханства представлял, что хотя б он наместник при таком их желании и посланца своего мог к ним отправить и их к себе перезвать, но опасен того, чтоб Татищев и еще какого оклеветания не учинил и для того на сие ожидает указа. И ежели оных трухменцов в том будет правда, то, как пришедшие из них сказывают, что ежели при нынешнем случае ему наместнику послать к ним от себя человека, то оных трухменцов до 10 тысяч кибиток притти могут...

В Коллегию иностранных дел тайкой советник Татищев доносил: от 21 июля: что из вышеписанных трухменцов 30 кибиток 2 татарина и с ними данные от гурьевского коменданта для препровождения их до Астрахани трою солдат в Астрахани показали, что оные татары с женами и с детьми и со скотом ехали, по их желанию, для житья в Астрахань, но на пути их перехватили высланные из калмыцких улусов от наместника ханства калмыки и владения его трухменцы и загнали их неволею к нему наместнику в улусы, где и ныне имеются, и представляет он тайный советник, что хотя оных татар от наместника требовал присылки в Астрахань, однако ж мнит, что он наместник ко удержанию их у себя будет отговорки употреблять и в Астрахань их не отпустит.

А по мнению его тайного советника есть ли оных ныне пришедших и впредь выходящих от Хивы и от Мангышлака татар оставить в калмыцких улусех, то от оных не токмо государственной пользы не будет, но могут оные еще пакости причинять и бегать на Кубань, и для того не повелено ль будет об отдаче оных татар к нему, наместнику ханства, послать грамоту.

От 21 августа¹, что посланной от него для разведования к живущим при Мангышлакской пристани трухменцам капитан Копытовской оттуда возвратился, и трухменцы прислали с ним для прошения у двора е. и. величества о принятии их в подданство старшин и служителей. А что в бытность одного капитана Копытовского тамо происходило, подал он журнал, а старшины трухменские за своими печатями и знаки прошение, с которых он тайный советник в коллегию прислал копии, а их трухменских четырех старшин, с толиким же числом служителей, с дачею им в дорогу подвод и кормовых денег отправил сюда, а для удовольствия в Мангышлаке трухменцов по прошению их приказал он тайный советник отправить откупщику Лошкареву с мукою одно морское судно.

А о перенятых на пути трухменцах, ушедших от Хивы, наместник ханства калмыцкого Дондук-Даши подполковнику Спицыну отвечал, яко шли они не в Астрахань, но к нему наместнику для родственников своих, которые издревле у него находятся, и для того он наместник ханства без указа отдать их намерения не имеет...

А в прошении тех Мангышлацких старшин, поданном тайному советнику Татищеву, написано: что они старшины приехали в Астрахань, уповаю от е. и. величества получить себе неизреченную и высочайшую милость о принятии их в подданство всероссийское, а их состоит 4 рода, у каждого имеется по 600 кибиток с подлыми людьми,

¹ Речь идет о другом донесении Татищева в коллегию, от 21 августа 1745 г.

и для того просят о принятии их в подданство и в верности к службе по их закону чрез куран должны учинить присягу и при том же от ее и. величества просят позволения в построении при Мангышлакской пристани города и во оном бы определить российского доброго командира и чтоб позволено было российским подданным купцам со всякими товарами и съестными припасами к ним ездить и торговать; а когда слух подастся, что при оной пристани построен город, то тогда для оного могут и прочие вдали живущие трухменцы весьма желательно притти в подданство, понеже оных множественное число имеется.

Того ж 1745 года ноября от 28 дня действительный камергер и астраханский губернатор Брылкин доносил, что посланный прежним губернатором Татищевым к Мангышлаку с мукою штурман Лебедев¹ возвратился.

А в бытность его при Мангышлаке приплыли к судну его, бежавшие от трухменцов, российской человек Никита Аристов, а на другой день женка Катерина Степанова, которые им и на судно приняты.

К нему ж Лебедеву на судно приезжающие трухменцы рассказывали, что прибыл от Хивы минувшим летом для житья к Мангышлакской пристани Бузачинской род в 1000 кибитках, которые желают быть в подданстве ее и. величества и по их прошению написано и привезено оным штурманом о том письмо к губернатору астраханскому на русском диалекте, которое им чрез толмача чтено, и к тому письму приложили они печати и знаки.

А в приложенных при том губернатора Брылкина доношении копиях написано.

Хивинской хан Абулгазы Илбарсов к губернатору астраханскому, между другим, от 7 августа 1745 года писал:

Живущие в нашем Хурузимском ханстве трухменцы народу нашему учинили немалое беспокойство, чего ради принужден я, не стерпя от них того беспокойства, представить его шаху величеству персидскому, по которому моему представлению его величество, показывая ко мне высочайшую милость, на вспоможение для усмирения оных прислал конное войско под главною командою племянника своего и из тех трухменцов некоторые побеждены, а другие ушли к Балханским горам, после чего нашего ханства подданные люди остались в покое.

При сем же объявляю, [что] наше Хуразимское ханство доньше с Российским государством, продолжая со обеих сторон купечество, в дружбе находились, чего для и ныне чрез сие прошу, чтоб как посольство, так и купечество, получая со обеих сторон пользу, лучшее прежнего продолжалось.

По получении сего изволите приказать, чтоб как с вашей стороны купцам отпуск, так и с нашей стороны приезжающим с товаром пропуск чинен был невозбранно.

Того ж 1745 года ноября 22 дня прибывший из Хивы хивинской татарин Нияз Мет по разговорам губернатору Брылкину объявил следующее.

Что когда в прошедших годах, назад тому лет с пять, Хивою овладел персидской шах, то нынешнего хана Абулгазы отца Илбарс хана умертвил и на его место ханом пожаловал одного его Илбарс хана сына Абулгазы, и с того времени и поныне состоит в его шаховой протекции, токмо от податей всяких, подлежащих ему шаху, он уволен и в прошедшем году, кочующие около Хивы трухменцы, имянуемые текеемудмутцы, екдерцы, чавдырцы, арбачинцы и пеллячинцы взбун-

¹ Штурман Лебедев ездил с капитаном Копытовским в 1745 г. к восточному берегу Каспийского моря. Журнал его плавания хранится в ГАФКЭ в «Туркменских делах».

товали и около Хивы деревни разорили и пожгли, а людей старых порубили, молодых мужеска и женеска полу полонили и город Хива от них во осаде была 8 месяцев и никому из города Хивы выезду не было, однако ж хивинской хан Абулгазы тайно к персидскому шаху с прошением посылал нарочных людей, дабы его и город Хиву от них противных трухменцов оборонить, почему оной персидской шах минувшего лета прислал в Хиву своего племянника Али-Гули хана, которой в Хурасани губернатором, в 30 тысячах военных людей и тех трухменцов некоторых до смерти побили, а других четырех родов Акдерова, Деавдерова, Аарбачиева и Пеллячиева в принадлежащее к Бухарам местечко, имянуемое Джааржу, отвели и в оном их поселили и взяли из них в службу персидскую выбранных людей 400 человек, а другие трухменцы такемутцы отошли к берегам Каспийского моря к Балханским горам, где и поныне живут.

Тот шахов племянник Али-Гули хан при Хиве был месяцев с 8 и при возвращении своем по прежнему в Персию, оставил у хивинского хана из персидского войска 6 000 человек, чтоб оным войском у тех отшедших к Балхану трухменцов взять в службу выбранных же людей 400 человек, а достальных для жития перевести в Хурасан. А в бытность его Ниаз Метя у Каспийского моря в урочище Мангышлаке трухменцы Мангышлацкие сказывали ему, яко вышеупомянутые отшедшие к Балхану трухменцы в персидскую службу 400 человек уже дали, с которыми оставшее в Хиве персидское войско 6 000 человек возвратились в Персию, а те, такемутцы, жительством остались при Балханских горах.

Того ж ноября 23 дня хивинской посол Аджи Могамед Ахун мулла Турсунов, в бытность его у губернатора Брылкина, между прочими разговорами ему объявил: что их хивинской хан Абулгазы по прежним обыкновениям отправил его ко двору ее и. величества с поздравительным листом о восшествии на Всероссийский престол ее и. величества и притом просит, чтоб против прежнего для купечества посылаемы были в Хиву с товары купецкие караваны, также и из Хивы в Россию чрез Мангышлацкую пристань, от которой де пристани оные караваны до Хивы и оттоль обратно препровождаемы будут данным от оного хивинского хана конвоем, а от Астрахани б до Мангышлака и оттоль до Астрахани те караваны перевозить чрез море на российских судах.

Доношение коллегии иностранных дел правительствующему сенату, 18 сентября 1763 г.¹

На восточном берегу Каспийского моря при мысе и при стане, называемой Мангышлацкой, живет трухменской кочевой народ, который просил наперед сего неоднократно о принятии себя в здешнее подданство с тем, чтоб из Астрахани морские суда с хлебом к ним отправляемы были, имея в том великую нужду по недостатку способов из других мест получать.

По разведываниям, учиненным чрез посылку нарочных офицеров из Астрахани к Мангышлаку в 1741 и 1745 годах оказалось, что оной народ весьма малочисленной и варварской и между себя несогласной, да и никакого у них подчинения нет, а тамошнее место гористое, и горы, будучи высокие и крутые и ущельев исполненные, состоят из мелового камня и от дождей валятся, а некоторые горы и кремнистого камня, пресной же воды, кроме находящихся между гор колодезей, там не сыскано, но пристань для судов весьма безопасная.

¹ ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 34—40.

По такой непрочности в сем народе и оказавшейся неудобности к заведению в тамошнем месте крепости, для содержания тухменцов в настоящем подданстве приезжавшим сюда тухменским старшинам в 1746 году от здешнего подданства отказано, а только отдано астраханским купцам на волю суда свои с хлебом отправлять, когда сами похотят.

Между тем прежде, нежели город Оренбург построен, и там для азиан торг учрежден, как хивинские, так и бухарские купцы ездили для торгу в Астрахань, сперва чрез реку Яик и простирающуюся от оной реки к Астрахани степь, а потом и чрез море на судах, от астраханских купцов к Мангишлаку высланных; тогда сия коммерция в Астрахани, как известно, происходила с немалым успехом. Напротив того, сколько доньше старания ни прилагается о распространении в Оренбурге комерции, да и сами азиане охоту к тому имеют, только почти непреодоленное в том препятствие находится по причине варварского и к воровству и грабительствам склонного киргис касацкого народа, чрез которой азиатским купцам в Оренбург проезжать и возвращаться надлежит, а в том народе, не будучи почти также никакого подчинения, едва ли оной к чему доброму и доведен быть может.

Итак хивинские и бухарские ханы время от времени здесь домогались, чтоб при продолжающемся с азианами в Оренбурге и в Троицкой крепости торгу дозволено было их купцам торговать и в Астрахани по прежнему и для перевозу их высылать из Астрахани суда к Мангишлакской пристани, о чем и бывшей напоследи в Москве, в нынешнем 1763 году хивинской посланник именем своего хана и всего общества усиленно домогался, в чем ему некоторое обнадеживание при отпуске его и учинено.

А как в самом деле от азиатской коммерции весьма той прибыли не получается, какова б быть имела от порядочного и безпрепятственного оной произвождения, которая со временем в таком случае столько б усилилась, чтоб и до самых отдаленнейших мест распространиться могла, но выше сего означено, что весьма мало надежды есть дорогу чрез киргис касацкую орду безопаснейшею зделать, по крайней мере вскоре, и потому ныне к заведению с азианами порядочного торгу остается удобным помянутой только Мангишлакской мыс, к которому и из Астрахани морем приезд свободной. А хотя по учиненным из Астрахани осмотрам способного места не сыскано к учреждению тамо небольшой крепосцы для складки товаров или, на последней конец, для содержания судов, ибо без того на тамошнем берегу для живущих тут тухменцов торговать да и судам во время случающихся бурь надежного убежища иметь не можно, но может быть, прежние осмотры не с такою прилежностью, с какою надобно было б, учинены, почему не совсем еще и безнадежно, не сыщутся ли удобные к тому места, хотя несколько и ниже того мыса, или не можно ли такой крепости завести и на Тюк Караганском острове, в той же стороне лежащем буде на нем пресная вода есть и высокое место, того ради при отправлении из Москвы обратно хивинского посланника препоручено было от коллегии иностранных дел бывшему астраханскому губернатору действительному статскому советнику Неронову, посланным к нему от 27 февраля указом, отпуская хивинского посланника в Мангишлак, послать с ним нарочного способного офицера из морских инженерных или гарнизонных и приказать ему все тамошние места с возможным рачением и прилежностью, однакож не вдаваясь в излишнюю опасность от живущих там тухменцов, осмотреть и описать, а потом оному действительному статскому советнику Неронову о том и в коллегии донести с приложением его мнения, на каком основании така крепость заведена быть может.

На сие действительной статской советник Неронов в коллегию иностранных дел от 18 июля сего 1763 года доносил, что он, отпуская из свиты хивинского посланника, которой вскоре по приезде в Астрахань умер, нескольких человек намерен был и вышеписанное порученное ему дело исполнить и для того требовал от тамошних инженерной морской и гарнизонной команд о присылке для сего дела способных офицеров, но от инженерной команды ответствовано, что при оной офицеров нет, кроме одного (которой, по ордеру г. генерала-фельдцейхмейстера Вильбоа, находится для снятия Астраханской крепости плана и профилей), а сверх того от того ж г. генерала-фельдцейхмейстера подтверждено, чтоб по требованиям главной полиции и протчих подобных сему мест не представля к нему, инженерным офицерам и кондукторам никакого командирования не делать.

А находящейся в Астрахани капитан над портом Токмачев представил, что для показанной надобности может послан быть шхипер II ранга Иван Кондратьев, яко к тому искусной, а сверх того не разсуждено ли будет при нем отправить еще штурмана и подштурмана из присланных ко определению на купецкие суда для того, что одному шхиперу, да другому инженерному офицеру во описании всего едва ли исправиться будет можно, яко глубину воды надлежит измеривать, езда на малых судах, да и протчее описание чинить ночью, дабы трухменцы узнать того не могли. Но притом оной капитан Токмачев требовал определения, откуда оным шхиперу, штурману и подштурману, в бытность в сей посылке, производимо будет жалованье окладное и сверх того, по силе морского устава, на две порции, да по указу из адмиралтейской коллегии 1747 года декабря 4 дня, за бытие компании на море, за каютную посуду окладное на месяц, а штурману и подштурману, по силе морского ж устава, морской провиант, каждому по одной с половиною порции, ибо он Токмачев при отлучении их в ту посылку из адмиралтейской суммы, без указа давать им не того не смеет.

От Астраханской же гарнизонной канцелярии прислан был для сего дела секунд-майор Иван Смольянинов, знающий, по объявлению из той канцелярии, инженерное искусство, и бывшей в инженерном корпусе обер-офицером, но оной с своей стороны предъявил, что как он в 1760 году военною коллегиею выпущен из инженер капитан-порутчиком, за слабым его здоровьем и неспособностью быть в полевом инженерном корпусе, с того времени, исключась от сей должности, и имея ту науку без повторения, почти всю оную позабыл и исправить по ней должности не берется, чтоб в чем не погрешить.

Потому действительной статской советник Неронов, представил, что понеже на дачу означенным морским служителям жалованья, провианта и порции, как капитан Токмачев требует, денег и из Астраханской губернской канцелярии, без указа штатс-конторы, употребить нельзя, а секунд-майор Смольянинов в инженерной науке предъявил себя неисправным, то сия посылка при нынешнем случае остановлена, и для того просил он Неронов, на каком трактаменте повелено будет из морских офицеров к сему употребить, определить его указом или истребовать к тому инженерных офицеров от главной команды.

Правительствующему сенату коллегии иностранных дел представляет, что когда, несмотря на все происходящие доньяне с киргис касацкой стороны помешательства, однако же остаются еще некоторые не совсем безнадежные способы к привлечению к здешним границам азиатской комерции и к беспрепятственному оной, в разсуждении Астрахани, произведению, к чему, как вышеозначено, и сами азиатские купцы всегда охоту и склонность предъявляют, имея свободную и безопасную от киргис касак дорогу проезжать из Бухар и Хивы в Ман-

гишлак, то и нужда необходимая настоит, пользуясь склонностию оных азиатских купцов, стараться такие подающиеся способы привести как наискорые в самую действительность. И для того не изволит ли правительствующий сенат за благо разсудить, чтоб впредь в осмотре Мангишлякского мыса и тамошних околичностей такой же остановки, как ныне произошло, заблаговременное распоряжение учинить, и астраханского губернатора генерала-майора Бекетова снабдить достаточным определением о посылке туда будущею весною способных людей из морских и инженерных офицеров для осмотру тамошней стороны и приискания удобного места к заведению там крепости, определяя назначиваемым к тому на время сей посылки и некоторое сверх их окладного жалованья пристойное снабдение, естли для поощрения их за потребно покажется, а еще б лутче было, ежели б отсюда нарочные из инженерных и морских офицеров для сего дела отправлены были, а чтоб сей осмотр толь лутче и надежнее в действо произведен быть мог, нежели прежния, которые гварнизонными офицерами не могли быть исправлены с надлежащею точностию, да и по опасности от живущих тамо варваров трухменцов, то коллегия иностранных дел разсуждает, что ничто не воспрепятствует с теми людьми, которые для того назначены будут, отправить из Астрахани на морском судне капитанство или и больше гранадер, снабдя их довольною аммунициею; при таком конвое способнее и безопаснее будет тамошние места осматривать и описывать, а трухменцы, хотя б и потревожились, по будучи народ малочисленной и никакого уважения не заслуживающей, из того никаких предосудительных следствий случиться не может.

В протчем коллегия иностранных дел за нужно находит правительствующему сенату и такое еще свое разсуждение при сем же случае донести, что естли бы сумнение возимелось по воспоследующему при сих распоряжениях по большей части по обращению азиатской комерции в сие место и следовательно в Астрахань, к умалению происходящей с азианами ж в Оренбурге, где получаемая от того прибыль чрез пошлину, сколько известно, назначена и определена на многие тамошние нужные расходы, в таком случае кажется не невозможно будет толикое число доходов, сколько по Оренбургской губернии будет, определить на оную из получаемых пошлин с сего новоучреждаемого торгова, о чем однако же в свое время точнее разсуждать будет можно, столь наипаче, что хотя б сия вновь заводимая крепость торгом и в замом деле по здешнему желанию усилилась, только во оную приезд быть может по способности из Хивы и Бухарии, а чрез них и из дальних, позади сих областей лежащих, мест; но что касается до обоих киргис касакских орд, также ташкенцов и туркестанцов, то не чаятельно, чтоб они отстали от торгов в Оренбурге и в Троицкой крепости, будучи для них ближе, а потому и способнее ездить в сии оба города, сколько б киргис касакки ни препятствовали. Между тем заведение со здешней стороны при Мангишлякском мысе или в близь лежащих от того места крепости сверх сего, что надежда подается о склонении чрез то к здешним границам азианской комерции без дального, на предбудущие времена отлагательства, послужить имеет и в том, что когда киргис касакки увидят, как хивинцы, так и бухарцы, минуя их, прямо приезжать будут для своих торгов, то чаятельно, что и сами для своей прибыли, за препровождение купецких караванов получаемой, и чрез свою орду в Оренбург такие караваны охотнее пропускать станут и от грабежей удержатся. При всем том, хотя сия крепость и в стороне от киргис касакской кочевья находится будет, однако же в некоторой повод и к собственному их поселению способствовать можете, потому что хан киргис касакской хотя с нескольких лет в таком намерении и для отвлечения киргис касак от кочевания при реке Яике,

где от них всегда продерзости происходят, и склоняется, чтоб согласился на построение для себя крепости при реке Эмбе, ниже реки Яика, а выше Мангишлякского мыса в Каспийское море впадающей, но в том доньше нисколько не предусмотрено; напротив же того, когда увидит он сию при Мангишляке крепость может быть, и на то охотнее поступит, особливо в разеуждении сего, что киргис касакки могут и в зимнее время муку покупать от той крепости, когда в зимнее время от Оренбурга за стужами и за снегами доставать им хлеб неудобно. Умалчивается при том, что по заведении при Мангишляке крепости сыскали бы способы мыслить о распространении здешнего владения и далее в тамошней стороне, а до того времени, кроме других чаемых польз, равномерно может служить и к спасению здешних людей, которые, по разбитии при восточном морском берегу судов, попадают в варварские руки.

Коллегия иностранных дел на все сие будет ожидать от правительствующего сената ее и. величества указа.

Подлинное подписано по сему Князь Александр Голицын.

Промемория из государственной коллегии иностранных дел в канцелярию главной артиллерии и фортификации, 21 октября 1763 г.¹

Коллегия иностранных дел по обстоятельствам происходящей при здешних границах комерции из разных азиатских областей с купцами, как то с бухарцами и хивинцами, имея основательную причину надеяться умножить оную к пользе высочайших ее и. величества интересов, когда подала бы к тому со здешней стороны удобность, отвращением либо тех трудностей и препятствий, каковы находятся в проездах тамошних купцов к здешним границам и в возвращении их назад чрез киргис-касацкой народ, почти никакого подчинения не имеющих, а потому ко всяким своевольствам склонной, или продолжением другой безопаснейшей дороги, находит к тому ближайшим способом, не будучи возможно киргис-касакам довести вдруг до лутчего и спокойнейшего состояния, чтоб на восточном берегу Каспийского моря, при мысе так называемом Мангишлякском, основана была крепость, для складки привозимых туда из Астрахани чрез море товаров, к которому мысу, как в оной коллегии за подлинно известно, проезд из Хивы и Бухарии не только не очень дальней, но и довольно безопасной.

При отпуске в нынешнем году из Москвы хивинского посланника, которой равномерно именем своего хана и целого тамошнего общества домогался о точнейшем установлении комерции, между Хивы и Астрахани, сверх происходящей в Оренбурге, препоручено было в сем полезном намерении от коллегии иностранных дел, бывшему пред сим в Астрахани губернатором действительно статскому советнику Неронову отправить с тем посланником к Мангишлякскому мысу, под видом его препровождения, способного офицера, из инженерных, морских или гарнизонных, буде бы такой в тамошнем нашелся, для осмотра Мангишлякского местоположения и приискания удобного к построению там крепости.

Помянутой действительной статской советник Неронов доносил в коллегию от 18 июля сего 1763 года, что от Астраханской инженерной команды сделано затруднение в употреблении в сию посылку одного из инженерных офицеров, с предъявлением, напротив того, учиненного от господина генерала-фельдцейхмейстера определения, по которому, без точного его ордера, инженерным офицерам никаких посторонних дел перенимать и их к тому употреблять не дозволяется.

¹ ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—67 гг., лл. 42—44.

Как сие дело по таким непредвидимым препятствиям приведено в остановку и в продолжение, так и от нынешнего астраханского губернатора генерал-майора Бекетова получено в коллегию доношение, от 30 августа, из которого уведомлено, что равномерно по тем же основаниям, и находящейся в Кизляре инженер подпоручик Квашнин не склонился на посылку из Кизляра одного кондуктора не больше, как верст на двести (откуда он вскоре и возвратиться мог бы) для описания и снятия того урочища, на котором, по высочайшему ее и. величества соизволению, заводится поселение, для новокрещеных кабардинцев и других горских жителей¹, а между тем весьма нужно, чтоб такое поселение основано было на месте, удобном к построению там со временем и крепости.

Сколько ни уважает коллегия иностранных дел нужду в том, чтоб находящиеся по городам инженерные офицеры не были излишне употребляемы к разным посторонним исправлениям, без ведома главной своей команды, но как по сей коллегии случаются такие дела, которые либо без продолжения времени, или без всякого разглашения исправляемы быть должны, то она чрез сие требует пристойным образом от канцелярии главной артиллерии и фортификации, дабы из общего в том запрещения была исключена, и астраханскому губернатору и другим пограничным командирам дозволено было употреблять инженерных офицеров, по крайней мере хотя уже не в дальние посылки.

Подлинная подписана по сему:

князь Александр Голицын².

Из указа коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Бекетову, 18 декабря 1763 г.³

...Коллегия иностранных дел за нужно находит предписать вам о всем том⁴ следующие свои рассуждения.

Когда князь Бекович Черкасской⁵ в 1716 году отправлен был от государя императора Петра Великого блаженные и вечнодостойные памяти в Хиву, тогда от него князя Бековича на тамошнем берегу заложены были три крепости, первая — при Мангишлакском, или Тюк Караганском мысе, другая — в заливе по имени его названном, Александр Бай, третья — при начале залива Красноводского, имеющего соединение с Балханским заливом, пред которым лежат так называемые Огурчинские острова. Потом в 1726 году, тот же восточной берег описыван и с моря тогдашним морским лейтенантом, а нынешним тайным советником Соймоновым⁶.

Но как экспедиция князя Бековича возымела худой успех, то и крепости, от него заложённые, оставлены, следовательно теперь точного известия нет, которая удобнее была б к возобновлению для настоящего намерения, а потому прежде приступления к самому делу и нужда осталась вновь тамошним местам зделать осмотр.

Култук между угла Мангишлатского мыса, или Тюк Караганского

¹ В 1762 г. был построен г. Моздок, в 1763 г. была выстроена Моздокская крепость и составлен гарнизон из крещеных горцев и переселенных с Дона казаков. Территория между поселениями терских казаков и крепостью Моздок была заселена волжскими казаками.

² Князь, — Александр Михайлович Голицын (1718—1783). Генерал-фельдмаршал. (1770 г.). С.-Петербургский губернатор (1769 г.). Был послом в Саксонии.

³ ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 62—70.

⁴ Об Мангишлакском полуострове и о заведении там торговли.

⁵ Бекович-Черкасский, отправленный Петром в Хиву для изучения устья реки Аму-Дарьи, погиб в хивинском походе.

⁶ Соймонов (1682—1780) навигатор и гидрограф. Изучал Каспийское море и оставил описание западного, южного и восточного берегов Каспия.

и двух в близости от одного в море находящихся островов, как ближе лежит к Астрахани, из всех на восточном берегу Каспийского моря примечания достойных мест, потому, в разсуждении короткого к оному переезда, был бы для российских купцов удобнейшим протчих. А если бы нашлось, что из лежащих против одного мыса Кулалинских, или инако так называемых, Тюк Караганских островов, большой не был поемной, и пресная вода на нем есть, то будучи при оном, как заподлинно известно, и гавань, от морских ветров и бурь закрытая, сверх способности одинакой или еще и лутчей пред Мангишлагским мысом, состоящей в блиском к оному из Астрахани переезде; еще больше безопасности возымели б тамошние крепостные жители и от трухменского народа, вдоль всех берегов кочующего, а по состоянию своему весьма своевольного: трухменцы от заводимой на сем острове крепости отделялись бы морским проливом, и потому меньше способов имели бы делать пакости, каковые, по крайней мере с начала и пока им довольного страха вложено не будет, от них могут не производить. А купцов азиатских не трудно было б в оную крепость перевозить на лодках, нарочно для того приготовляемых; напротив того, что касается до азиатских купцов, то хотя они безопасно от киргис касак и в Мангишлагской мыс приезжать могут, со всем тем, чем ниже на сем берегу будет с ними торг учрежден, тем для них еще выгоднее быть имеет к тем местам приезжать. И потому, буде бы при Мангишлагском мысе потребных выгодностей не нашлось, не должно без примечания и точного исследования оставлять и залива, по имени Бековича Александр Бай названного, в котором, кажется, для города место удобное находится, (но есть ли тут пристань, для содержания судов безопасная, о том заподлинно неизвестно), а равномерно и Карабугацкого. Но вообще надобно всем другим предпочитать к заложению крепости такое место, несмотря ни на близость, ни некоторую дальность, ибо ко всему тамошнему берегу приезд для азиатских купцов не неудобной, при котором бы не только безопасное пристанище было, но сверх того и другие выгоды к обитанию человеческому, и во первых пресная вода, какой без сумнения во многих тамошних местах быть должно: кочуя трухменцы почти по всему берегу,—при том нужно, чтоб был и лес, как для строения, так и для дров, ибо по способности приездов азиатских купцов чаятельно, что заводимая в тамошней стороне крепость со временем и жителями из тамошних же народов распространиться может. Равномерно кажется не безужно предусматривать и то, где может быть, или нет и дерн, для обложения крепостных укреплений или не можно ли будет вместо того, для лутчей прочности, если б удобность подалась, построить крепость из кирпича, для чего, буде ближе способных мест не найдется, надобно будет, как из коллегии иностранных дел в адмиралтейскую коллегию писано, и до самого Астрабата весь берег не оставлять без осмотра, между тем и Огурчинских островов, лежащих при Балханском заливе, которые по своей плодородной земле похваляются, будучи кажется не неудобно на одном из них или и на матерой земле, когда ближайших мест не нашлось бы, и крепость преднамеряемую для порядочного установления с азиатами торгу построить, тем больше, что один из сих же островов содержит и нефть, которую вместо дров пробавляться можно, а сверх того на матерой земле, блиско сих островов отстоящей находясь трухменцы, кажется, довольно доказывают, что в близости тут же и пресная вода всемерно уже сыскается может.

Впрочем недостаток лесу, буде другие привольности найдутся, не долженствует нигде удерживать от избирания под крепость места, ибо по нужде и из Астрахани оной привозить не невозможно будет; а сверх того, что касается до дров, можно вместо оных по азиатскому

обыкновенно пробавляться и сухим навозом, естли только место будет удобное к содержанию скота. Но естли бы паче чаяния нигде способных мест на всем тамошнем берегу к заложению крепости не нашлось, в таком случае по нужде и чтоб ничего не пренебречь к привлечению сего торгу в здешнюю сторону, со временем в великое возращение притти могущего, разсуждается: не можно ли будет завести для того крепости при устье реки Эмбы, ниже реки Яика, а выше Мангишлагского мыса в Каспийское море впадающей, в которую азиатские купцы чрез Мангишлагской мыс проезжать могут, не занимая киргис касакского кочевья, а сверх того, естли бы по тогдашним обстоятельствам оказалась потребность, можно будет для отдаления киргис касак от тамошнего кочевания, принять и другие какие-либо пристойные меры.

Вы, отправляя инженер-майора Лодыженского¹ и протчих, для осмотра восточного берега Каспийского моря определенных, имеете им о всем вышеписанном предписать с тем, чтоб они, когда нужда дойдет до осмотра всего берега, хотя в Астрабатской залив и въезжали, буде бы надобно было оной осмотреть, для приведения в лутчую исправность настоящей Каспийского моря карты, но в самой тамошней близости места под крепость не выбирали, для минования могущих из того со временем произойти затруднительств не только с персичкою стороною, но и с Портою Отоманскою, которая только напрасное подозрение возыметь принуждена была б. Сверх того, надобно сколько возможно стараться и с тамошними обывателями трухменцами обходиться ласково, объявляя им, что как напредь сего сами они трухменцы, да и ханы хивинские просили о учреждении с ними торгу, имея в оном нужду, особливо для получения хлеба из Астрахани, в чем известным образом они недостаток претерпевают, для того по высочайшему ее и. величества указу и отправлена сия экспедиция, чтоб приискать удобное место к пристанищу судам, при котором бы такой торг установлен быть мог, но что намерение принято заложить на тамошнем берегу крепость, — том им не объявлять, дабы не возбудить в них преждевременного подозрения и страха и не напаятовать им примера князя Бековича Черкасского. Равным образом, буде где на тамошнем берегу случатся хивинцы, бухарцы или другие городовые азиане, и им также не больше о намерении сей экспедиции сказывать надобно.

Трухменцы, будучи народ несообразительной и один старшина другому отнюдь не подначальной — много в сем деле успеху быть может, естли несколько из таких старшин приласкаются к здешней стороне, в чем по их убожеству и лакомству почти и сумнения не остается, для чего и отправить при том для подарков им и трактования вещей казенных и муки рублей до тысячи; они, хотя б другие и не хотели, сами зделаются в надежде больших подарков вожаками и показателями тамошних мест и вод. Но естли бы трухменцы, как народ неукротимой и легкомысленной, по учиненном им таком уведомлении и некотором приласкании, однако ж стали делать супротивление и недопускать тамошние места осматривать, тогда можно будет против их употребить и силу, будучи для того уже определено отправить из Астрахани и довольной конвой, а к тому не излишно быть имеет послать и несколько полковых пушек, чтоб оные тою командою в бытность их по берегам употребляемы быть могли, и трухменцы при явном супротивлении толь лутчей отпор находить, а при оказываемом от них доброхотстве меньше поползновения иметь могли к подискам

¹ Инженер-майор Лодыженский, ездивший в 1764 г. к восточному берегу Каспийского моря, написал журнал своего плавания, хранящийся в ГАФКЭ в «Туркменских делах».

и коварствам, буде и уже издавна во всех кочевных азиатских народах вкоренен великой страх от пушек.

При всем том коллегия иностранных дел за нужно признавает, чтоб наперед разведано было, не найдутся ли из живущих в Астрахани тухменцов, хивинцов и бухарцов таких, которые о тамошних мест положениях и где пресная вода быть может довольное сведение имели, и могли в сем случае послужить проводниками, каковых для указания оных мест и толь лутчего уверения тамошних жителей тухменцов о безопасности и отправить может, учиня некоторое небольшое на подъем награждение, а обнадежа большим при случае успеха, но не объявляя однако ж им прямо о принятом намерении в тамошней стороне крепость заложить. Само собою разумеется, что и толмачей нескольких человек из лутчих и надежнейших при том же отправить будет надобно, также с дачею на проезд жалованья.

Крепость на тамошнем берегу назначена быть имеет, смотря потому, коль удобно к тому место приищется, и какие потребуются укрепления, по состоянию тамошнего положения и народа, однако ж как по отдалению оной от всех здешних жилищ надобно будет содержать в оной гарнизон немалой и иметь место для запасного провианта, также и для складки товаров, то и сие все при том в разсуждение принято быть долженствует, о чем вы равномерно предписать будете должны инженер-майор Ладыженскому, отправляя его по возвращении из сей экспедиции и по учинении им плана и сметы крепости, со всем тем и с вашим о том же мнением сюда для лутчего в сем деле изъяснения.

Командированной для снятия местоположения урочища Моздока, где селение из новокрещенных кабардинцев и других горских жителей заводится и назначения, где б со временем там и крепость заложена быть могла инженер капитан Дудин толь меньше может продолжаться, чем и комиссия его только самого короткого времени требует; ему притом ничего иного предписать не останется, как только то одно, чтоб он старание приложил о верном снятии всего местоположения от последнего Гребенского казачьего червленого городка до реки Курпы, от которой кабардинские места начинаются, назначивая, где б со временем можно было завести и крепость, в удобнейшем месте, из всех оных однако ж чем ниже от устья реки Курпы по реке Терку, тем будет лутче, дабы кабардинской народ, как к своей вольности ревностной, не имел из того опасности, а потом сей капитан равномерно сюда возвратиться может с учиняемым от него планом.

Подлинной подписан по сему Никита Панин,
князь Александр Голицын.

Перевод письма туркменских старшин Екатерине II, 12 июня 1767 г.¹

Пресветлейшей и препочтеннейшей и всемилостивейшей императрице, четыре человека старшины: Канбарбек, Сунгурап Онбеги, Карабатырь, Нияс Батырь, доносим, что напредь сего мы российской империи присягу чинили в том, чтоб проезжающие из Астрахани в Хиву и в Бухарию караваны препровождать, напротив того из Бухарии и Хивы следующие караваны до Астрахани препровождать же, а киргис касаки следующей из Оренбурга в Хиву в шестистах верблюдах караван разбили, да при том Нурали-хан², услыша о следующем ныне из Астрахани в Хиву караване в пятистах верблюдах, прислал к нам

¹ ГАРФФ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 17—18.

² Нурали-хан — сын Абул-хайра хана киргиз-кайсаков, был возведен в ханское достоинство в 1749 г., в 1785 г. лишен ханского звания из-за слабого управления. В 1790 г. киргиз кайсаками управляло народное собрание. В 1791 г. ханом был провозглашен брат Нурали — Брали. После смерти Брали-хана, ханом был брат Нурали — Айчувак.

брата своего Айчувака с двумя сыновьями, да Карабай судью с четырьмя тысячами человеки с требованием о выдаче ему того каравана и товаров, выговаривая при том, якобы он Нурали-хан России противным учинился, и ежели мы того каравана товары не выдадим, приказано от него хана жилище наше разбить и истребить. Однако ж мы по его требованию тот купеческой товар не выдали, почему киргис-касаки учинили с нами сражение, на котором тысяча человек до смерти побили, а двести человек, между которыми четыре человека знатные начальники Карабай судья, Магомед бий, Сепит бий, Яман батырь, в полон взяты, а достальные назад возвратились, и по приезде в свои жилища для миру с нами прислали к нам Ак-Ходжу, а мы о происшедшем между нами таком сражении для известия вашему и. величеству людей наших послали. А понеже киргис-касаками Оренбургская и Хивинская дорога пересечена, ежели соизволите нас в подданство принять и, подобно Оренбургской крепости, такую крепость построить, просим в непродолжительном времени прислать к нам судно. А как небезизвестно, что во время жизни Надир шаха¹ немалое число тухменцов и другие народы к Надир шаху в подданство приходили, а мы его Надир шаха за государя не признавали, а только знали российскую императрицу, и в то время четырех человек старшин наших посылали, ежели ваше и. величество нас за подданных признает, просим в скором времени для строения крепости людей своих прислать 19 месяца курбана, то-есть, мая в 6-й день.

На выносе того письма написано, Мы, Абдальские народы, Мурад беку, Адабердию, также и из Бурунжука Энда Менглин беку, дав полную мочь, посланцами отправили.

Прошение туркменского хана Пирали Екатерине II, 9 мая 1775 г.²

По высочайшему вашего императорского величества указу послан я от отца моего Нурали хана в Мангишлак к тухменскому народу ханом для лутчего над оным народом смотра и распорядков, где и поныне при моей должности нахожусь.

А во время измены калмыцкого наместника Убаши³ от вашего императорского величества к упоминаемому отцу моему прислан был указ с таким повелением, чтоб он к пресечению пути тех изменников имел неусыпное старание, почему от одного отца моего для пресечения и поимки помянутых изменников был я послан, где находясь, сколько мог оных преследовать, а потом как нечаянно в области вашего императорского величества один бунтовщик, назвав себя бывшим императором Петром III, появился и многие селения раззорял и опустошал, то и во все то время я всеподданнейший вашего и. величества раб оказывал свои верные услуги, а по поимке одного, по повелению отца моего, попрежнему отпущен обратно в Мангишлак, где будучи, хотя я дальних заслуг против прочих вашему и. величеству ока-

¹ Надир-хан родился в 1688 г. в Хорсане. Отец его занимался шитьем бараньих кожухов. Будучи атаманом «разбойничьей шайки», убил своего дядю — начальника крепости Келат, присоединил келатское войско к своему и освободил Персию в 1730 г. от афганцев. В результате успешной войны с турками, присоединил к Персии по миру 1735 г. Армению и Грузию. В 1736 г. избран персидским шахом. В 1738 г. покорил Индию. В 1740 г. одержал победу над Бухарой и Хивой. Вследствие жестокой политики Надир-шаха, в войске его был составлен против него заговор и Надир-шах был убит в 1747 г. военачальником Салех-беом.

² ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., л. 2.

³ Убаши — сын калмыцкого хана Дондук-Даши, назначенный еще при жизни Дондук-Даши его преемником, вступил в управление калмыцким народом после смерти отца в 1761 г. Недовольный царским правительством, подстрекаемый джунгарским тайшей Серыном, восстал против русского царизма и с 30.000 кибиток калмыков ушел в Джунгарию.

зять и не могу, однако ж за долг себе почитаю проезжающих чрез кочевья трухменские — всякого звания купцов от налог и обид защищать. В прочем остаюсь вашего и. величества всенижайший раб Пирали хан, Нурали хана сын.

Рескрипт Екатерины к астраханскому губернатору Якобию, 12 августа 1777 г.¹

В нашу Коллегию иностранных дел представлено от Астраханской губернской канцелярии репортом от 9 июня минувшего 1776 года о произшедшем требовании во оную канцелярию от Нурали хана киргиз кайсацкого, чтоб определен был к сыну его Пирали салтану, находящемуся ханом над Мангишлагскими трухменцами один татарской мулла для переписки.

Но как оные трухменцы не принадлежат к нашей державе, то от Астраханской губернской канцелярии по такому Нурали хана киргиз кайсацкого требованию и не могло быть исполнено, а передано в здешнее рассмотрение.

Потом доносили и вы сюда от 3 марта сего 1777 года, что Нурали хан киргиз касакской и сын его Пирали хан трухменской нарочно присланными и к вам письмами еще домогались о определении к последнему татарского муллы для удобства в переписке с здешними пограничными начальниками, так как при первом, то есть при Нурали хане, действительно такой находится, с Оренбургской стороны определенной; но и вы отнесши сие равным образом на здешнюю резолюцию, ответствовали к ним обоим с уведомлением о сделанном только вами о том в нашу коллегию иностранных дел представлении.

И на сие предписывается вам к исполнению, что хотя трухменцы живущие на супротивном от Астрахани берегу Каспийского моря при Мангишлакском мысе и не заслуживают присвоения к здешней империи, по своему дикому состоянию и по неспособности их и к малейшему повиновению, для чего им в том всегда и отказавано было, но по принятии ими однако ж ныне к себе на ханство сына Нурали хана киргиз касакского хотя и не собственным своим конечно подвигом и единодушием, для лучшего между собою благоустройства, а больше по проискам оного хана, представляется такое уважение, что сей их, сколько ни бессильной при настоящем первом случае начальник, но здешнею оказываемою к нему при случаях приветливостию способ иногда получающей, некоторую между ими не действительную власть возить, не может ли, по крайней мере, полезным быть к тому, чтоб спасающихся на их берег здешних людей с разбиваемых в море судов, которые по большей части доньше пропадали, не допускать оставаться навсегда в их руках и неволе, а сверх того и приучить их своим посредством к свободнейшему чрез свое место пропуску купцов в их проездах для торговых промыслов в Астрахань из Хивы и Бухарии, в чем поныне, по их крайнему своевольству, нередко равным образом происходят затруднительства ж немалые, так что по полученному здесь от Астраханской губернской канцелярии при репорте ее от 3 августа прошлого 1776 года особенному репорту ж переводчика Тонкачеева, посланного из Астрахани к Мангишлакскому мысу для препровождения бывшего здесь бухарского посланца Ирназара Максютюва, и сей посланец с трудом, убытком и опасностью едва себя от них сохранить мог, хотя в том и новой их хан участвовал, почему и нынешнее первое требование его трухменского хана о присылке к нему нарочного из татар грамотного весьма есть удобное к

¹ ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., лл. 16—19.

исполнению, ибо чаятельно, что из астраханских татар и охотники к тому найдутся, можете вы и действительно его в том удовольствовать, отправляя к нему для того человека из надежных с вашим наставлением, как ему при том поступать, а на тамошнее его содержание предоставляется в собственное ваше рассмотрение определить ему по 40 же рублей в год, то есть то ж самое число денег, сколько содержащейся из Оренбурга при отце его Нурали хане киргис касакком татарин получает, или же несколько и больше, в разсуждении будущего его отдаленнейшего пребывания пред оным от здешних мест и редких способов к снабдению своему из Астрахани, поставляя сию издержку в счет определенных в Оренбургской губернии на киргис касакские расходы 6 000 рублей, как употребляемую на сына хана киргис касаккого же, и о чем вы с тамошним губернатором снести имеете.

Между тем знать вам надобно, что сей трухменской хан и сам собою и способом отца своего не оставил уже домогаться здесь о определении и себе жалованья, что, может быть, и было единственным побуждением искать ему и трухменского ханства, потому что он пред тем как салтан киргис касаккой зависимой еще однако ж от отца своего сколько такого преимущества ни искал, но в том под различными предложениями отказывалось, по той нужной предосторожности, что снисходя одному, наконец и многим салтанам киргис касакским детям ханским и других старших начальников то ж бы сделать надлежало, к умножению напрасного для сего народа расхода.

А как и настоящее его трухменское ханство еще отнюдь ненадежно, поелику скучась пребыванием своим между народом еще малопослушным, по прежнему в природную свою киргис касакскую орду возвратиться может, или и сами трухменцы от себя его выгонят,—выгоняли часто и хивинцы своих ханов, из киргис касакских же салтанов выбираемых,—но он, получа бы однажды здешнее жалованье так, как хан трухменской и по потере сего начальства конечно не стал бы однако ж понимать, что оное ему продолжаемо быть не долженствовало б и для того, хотя вы, в оказании к нему пред его народом некоторого уважения, и можете от себя обсылать его чем либо недорогим, но ему приятным и нужным, однако ж на отзывы его о жалованье будете всегда отвечать, что того не может он ожидать по сущей справедливости прежде, как по приведении своего народа в надлежащее благоустройство, и после того, как его способом попадающие в трухменские руки здешние люди возвращаемы будут, и совершенная безопасность и в купеческих проездах откроется, а без того он так, как сын хана киргис касакского, довольствоваться должен снабдением отца своего, получающим как для себя, так и для всей своей фамилии и ежегодное наше жалованье.

Подлинной подписан по сему Граф Иван Остерман.

Рапорт астраханского губернатора Якобия Екатерине II, апрель 1778 г.¹

Высочайшим вашего и. величества рескриптом из государственной коллегии иностранных дел от 12 августа, полученным мною сентября 25 чисел минувшего 1777 года, повелено: по требованию Пирали хана трухменского отправить к нему для удобства в переписке им со здешними пограничными начальниками из астраханских татар грамотного человека, со определением ему на тамошнее содержание и жалованья.

И по содержанию оного высочайшего вашего и. величества повеления по данному от меня астраханских юртовских татар казью Рахам-

¹ ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., лл. 20—21.

бердию приказу, по сведению его всех духовных своих состояния, и выбран один способной ко исполнению той вашему и. величеству службы абыз Дойнакай Кадыр Аджиев, которой для письмоводства к упомянутому Пирали хану, на идущем к турхменским берегам купецком судне, при письме моем, и отправлен.

А как он абыз по неимению к тому способных и желающих из здешних татар согласился на оную службу по довольной ево склонности со обнадеживанием награждения, то в пребывание его при нем хане в турхменских аулах, у Мангишлацких берегов Каспийского моря кочующих иногда от оного и не в близнем расстоянии, надобно будет всем в пропитании и одеже нужным снабжать себя способом ходивших из Астрахани к Мангишлацкому мысу торговых судов, кои туда отправленные имеют в одно только летнее время, весною и осенью, да и весьма малым числом, следовательно по сим обращениям их и по удалению отсюда от своего дома и небезопасному водяному проезду, и должен он всегда заботиться и запасаться, особливо в зиму, излеществом, в разсуждении сего на тамошнее содержание ево и определенного прозволить ему жалованья, по позволению объявленного высочайшего рескрипта в мое рассмотрение, против находившегося с оренбургской стороны при Нурали хане татарина вдвое — по 80 рублей на год, которое ему и начать выдавать со определения по доверенности ево, кому от него здесь принимать поручено будет, по установленному указному обряду, по третям года, да сверх того при нынешнем первом отъезде, для поощрения ево к наилучшей в службе усердности к верности, дано ему на подъем 20 рублей от расхода губернского из штатских доходов на счет определенной к Оренбургской губернии на киргис кайсацкие расходы суммы 6 000 рублей; так же и в приласкание к доброжелательству к здешней стороне и приличные по состоянию ево хана, однако недорогие, токмо нужные ему презенты от лица моего посланы по покупке в купечестве из той же Оренбургской суммы на 37 рублей на 20 копеек, о чем во известие и к оренбургскому губернатору сообщено.

Ему ж абызу секретно здесь подпискою подтверждено ко исполнению полезного высочайшим вашего и. величества интересам:

1) Чтоб впродолжение свое при нем хане стараться ему с начала самого своего приезда разведать и присмотреть, нет ли в турхменском народе коего содержащихся в плену российских и подданных наших другой нации людей, коих и впредь присматривать и выведывать, а паче при разбитии иногда морских судов, и, естли они окажутся, то об них ему хану пристойным образом представлять и склонять его о их освобождении; ежели не можно будет по грубости и суровости и непослушанию хану турхменского народы домогшись им свободы, то наконец по самой уже невозможности доводить ево на отпуск их чрез какой-либо небольшой выкуп, и, кто уволены будут, оных отправлять на купецких судах в Астрахань с показанием их имен и меня об них так и о просимом выкупе уведомлять.

2) Проезжающим из Хивы и Бухар, а напротив того, и едущим туда из Астрахани кушцам с товары, чтоб свободной пропуск чрез турхменский народ происходил, оного ему абызу присматривать и при случае каких-либо им остановок и обид попечение иметь ево хана уговаривать к воздержанию от того турхменского народа, представляя им от свободного проезда больше самим пользы, нежели они ее иметь могут по происходящим от них притеснениям, доводя ему, что тем и совершенно совсем прибыли своей лишатца, и со здешней стороны себе они, и сам хан, благодеяния за какое ево в турхменском народе благоустройство и обнадеживать его высочайшею и. милостью и, какие от

них купечеству обиды происходить станут, об оном ко мне писать на последок.

3) Примечать в нем хане, сколько он к российской стороне, а тухменцы к нему благосклонны; также, кроме того, и о других тамошних посторонних и собственной его хана силе и власти и о прочих тухменских в своем состоянии и с ним ханом, равно и о киргис кайсацких с тухменцами обращениях и о злых иногда их на российские жилища помыслах к нападению разведывать и сюда давать знать.

Иван Якобий.
